

Елизавета Драбкина А. И. УЛЬЯНОВА-ЕЛИЗАРОВА

Серия
<СЕМЬЯ
УЛЬЯНОВЫХ>

**А.И.УЛЬЯНОВА-
ЕЛИЗАРОВА**

Серия
«Семья
Ульяновых»

Елизавета Драбкина

**А.И.УЛЬЯНОВА-
ЕЛИЗАРОВА**

Издание второе

Москва
Издательство
политической
литературы
1979

66.61(2)8

Д72

Драбкина Е. Я.

Д72 А. И. Ульянова-Елизарова.— 2-е изд.— М.: Политиздат, 1979.— 143 с., ил.— (Семья Ульяновых).

В этой книге писательница Е. Я. Драбкина рассказывает об основных этапах жизненного пути А. И. Ульяновой-Елизаровой — старшей сестры В. И. Ленина, видного деятеля Коммунистической партии, профессионального революционера.

Д $\frac{10203-023}{079(02)-79}$ 91-79 0902030000 66.61(2)8
ЗКП1(092)

ОТ АВТОРА

Анна Ильинична Ульянова, по мужу Елизарова, была старшей из детей в семье Марии Александровны и Ильи Николаевича Ульяновых. Она родилась в 1864 году и умерла в 1935-м, прожив более долгую жизнь, чем все ее братья и сестры. На ее глазах они росли, становились подростками, молодыми людьми, зрелыми борцами-революционерами. Она видела, как формировались их характеры, убеждения. Ближе, чем кто-либо другой, была она брату Александру. Перед ней прошла вся жизнь Владимира Ильича. В ее семье прожила много лет и умерла мать, Мария Александровна.

Но Анна Ильинична была не просто и не только свидетельницей, она была соучастницей великого революционного подвига своей семьи и революционного дела своего времени. Хотя старший брат и не посвятил ее в тайну готовившегося 1 марта 1887 года покушения на царя, но у них были общие товарищи и друзья, она жила в кругу тех идей, которыми жил и во имя которых погиб Александр Ульянов. Арестованная по его делу, она отбывала ссылку в селе Кокушкино, неподале-

ку от Казани. Полгода спустя туда же был сослан брат Владимир, и они прожили в самом тесном общении — сперва в Кокушкине, а потом в Казани, Алакаевке и Самаре — несколько лет, которые, по словам Анны Ильиничны, были «самыми важными, пожалуй, годами в жизни Владимира Ильича: в это время складывалась и оформилась окончательно его революционная физиономия».

На протяжении всей последующей своей жизни Анна Ильинична была активной деятельницей революционного марксистского движения, принимала участие в работе созданного Лениным «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», была членом Московского комитета РСДРП, агентом «Искры». С момента раскола РСДРП стала большевичкой. Вела подпольную работу в России, занималась транспортировкой нелегальной партийной литературы, сотрудничала в «Правде», была членом редколлегии журнала «Работница». Через нее осуществлялась связь между российскими партийными организациями и заграничными большевистскими центрами. Не раз она бывала арестована.

В 1917 году у нее в квартире на Широкой улице жили по возвращении в Россию Владимир Ильич Ленин и Надежда Константиновна Крупская. В июльские дни на эту квартиру явились вооруженные наемники Временного правительства и, предъявив ордер на арест В. И. Ленина, учинили обыск, который скорее можно было бы назвать погромом.

После победы Октября Анна Ильинична работала в Наркомпросе в отделе охраны детства, а затем была одним из создателей Истпарта и журнала «Пролетарская революция», положивших научную основу для изучения истории нашей партии.

Сказанного достаточно, чтобы понять живой интерес к ее личности каждого, кто хочет поближе узнать семью Ульяновых во всей ее особенности и неповторимости.

Однако это не все, далеко не все.

Жизнь Анны Ильиничны представляла собой как бы неразрывное единство двух начал:

первое из них — *сама эта жизнь*, наполненная богатым содержанием; жизнь, озаренная светом титанических личностей Александра Ильича Ульянова и Владимира Ильича Ленина, насыщенная эпохальными взрывами трех российских революций;

второе — запечатленная Анной Ильиничной *история семьи Ульяновых*, ибо она была летописцем этой истории. Крупицу за крупицей собирала она все относящееся к брату Александру и его трагической гибели. Ей принадлежат воспоминания о Владимире Ильиче — одни из первых, появившихся на свет, ярко запечатлевшие его облик, особенно в годы детства и юношества. Ее рассказы об отце, о матери, о жизни семьи Ульяновых в Нижнем Новгороде и в Симбирске представляют собой ценнейший, а порой и единственный источник, по ко-

тому мы можем воссоздать образ этих людей.

Наряду со способностями серьезного исследователя, Анна Ильинична владела еще и тем, что в старину называли «легким пером». Каждый ее рассказ — это увлекающе-страстное изображение прошлого, которое доступно только современнику, обладающему к тому же талантом тонкой наблюдательности и литературным даром.

Если собрать воедино все, что ею написано, мы увидим как бы повесть о семье Ульяновых — повесть, полностью удовлетворяющую тем высоким требованиям, которые предъявляла сама Анна Ильинична к произведениям очевидцев и участников событий минувшего времени: в них, писала она, люди, принадлежавшие к славной плеяде тогдашних революционеров, должны вставать «так выпукло, как будто мы всех их знали, так жизненно, как будто бы они только что оставили нашу комнату, а душа наша была только что в самом дружеском общении с ними. Это — идеал биографа».

Образ самой Анны Ильиничны мало освещен в нашей литературе, сосредоточившей свое внимание на образах ее братьев — Александра и Владимира. И так как жизнь Анны Ильиничны тесно переплетена с жизнью братьев и источником для рассказа о ней обычно служат те документы, на основе которых мы воссоздаем их историю, читатель неизбежно встретит в нашем рассказе уже знакомые ему факты и цитаты. Но иначе писать об Анне Ильиничне невозможно.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Из далекой глубины десятилетий перед нашим мысленным взором возникают запомнившиеся девочке Ане длинный-длинный гимназический коридор, квартира из идущих в ряд комнат, площадь перед зданием гимназии, бассейн посреди площади и окружающие его бочки водовозов, мелькающие в их руках черпаки с деревянными ручками. Аллеи, спускающиеся по крутому склону к Волге. Тонкая фигура матери. Крохотный брат Саша. Случай, едва не кончившийся трагически: Саша, заигравшись, сорвался с откоса и маленьким комочком покатился вниз, а мать от страха закрыла глаза рукой.

Любимая игра: в зальце и столовой расставлены стулья, изображающие и тройку и сани. Саша — за кучера. Он увлеченно размахивает кнутиком, Аня сидит рядом с матерью сзади. Мать описывает восхищенным детям дорогу, по которой они «едут», лес, отягченные снегом ветви деревьев, дорожные встречи.

Первые уроки грамоты, которые давала мать. Наклеив на картон нарезанные из бумаги буквы, она учила Аню складывать их в слова. Саша играл рядом. И вдруг оказалось,

что он тоже знает буквы, собирает из них слова, читает не хуже Ани.

На дошедшей до нас старинной фотографии мы видим девочку в сапожках. Рядом с ней — кудрявый темноглазый мальчик, одетый в просторную белую рубашку. Ане около десяти лет, Саше — восемь. Она сидит, он стоит, положив руку на ее плечо. В той доверчивости, с какой лежит эта детская рука, чувствуется неразлучная дружба, соединявшая брата и сестру. Лица детей не по годам сосредоточенны и серьезны. И, что всего примечательнее, Аня держит раскрытую книгу. Надо знать Россию того времени, чтоб понять, насколько характеризует облик семьи книга в руках ребенка, а тем более девочки.

Впрочем, для того, кто знаком с этой семьей по воспоминаниям современников, и в частности Анны Ильиничны, тут нет ничего неожиданного.

Из этих воспоминаний перед нами встает образ Ильи Николаевича Ульянова, который был, по ее определению, «педагогом в душе», человеком, все думы и чувства которого принадлежали русскому просвещению. Чуждая всякому приукрашиванию исторической истины, Анна Ильинична показывает отца таким, каким он был — с иллюзиями, воспитанными в нем эпохой так называемых «великих реформ», с мечтами о преобразовании России при помощи мирной культурной работы. Он, отец, не был никогда революционером, писала Анна Ильинична в своих воспоминаниях, но в душе его жила верность чему-то вроде клятвы, заключавшейся в словах лю-

бимой им песни на слова Плещеева: «И будем мы питать до гроба вражду к бичам страны родной».

А рядом с отцом — мать. Мать в самом высоком значении этого слова. Женщина редкостных качеств, отдавшая детям с щедростью материнского сердца все богатство своего незаурядного ума и благородной души.

Осенью 1869 года Илья Николаевич покинул Нижний Новгород, сменив спокойную деятельность учителя математики и физики в нижегородской гимназии на хлопотливую должность инспектора, а затем директора народных училищ Симбирской губернии. Он видел в этом свой долг: новая должность открывала перед ним широкое поле деятельности на поприще народного просвещения.

Симбирск был в то время заштатным, захолустным городком, не связанным с внешним миром железной дорогой; вехами его истории обычно служили пожары: это было, мол, до такого-то пожара, а это — после того, другого.

В этом городе выросла семья Марии Александровны и Ильи Николаевича Ульяновых, все молодое поколение которой стало революционерами и которая дала человечеству такого гиганта революционной мысли, страсти и дела, как Владимир Ильич Ленин!

Раздвигая завесу прошлого и оглядывая прожитую жизнь, Анна Ильинична не случайно уделила много внимания годам детства

ва и отрочества своих сестер и братьев: она вообще придавала этой поре важнейшую роль в формировании человеческой личности.

«Я считаю,— писала она полвека спустя,— что пора детства имеет огромное, решающее значение для всей последующей жизни. А затем, в детских поступках и проявлениях, когда человек не научился еще подчинять свои действия влияниям ума и рассудка, когда он непосредствен, чужд всякой приспособляемости, натура его видна, как в зеркале. И поэтому отражение некоторых ребяческих поступков детского периода может иногда дать для познания взрослого человека больше, чем иные сознательные и обдуманые поступки его,— во всяком случае может многое дополнить. Недаром так дороги эти проявления для чуткой матери, воспитательницы; недаром жены познают иногда, к своему удивлению, в детях те или иные, не вполне для них ясные свойства ума и характера своих мужей...»

Словно бы тихо и ровно идет жизнь семьи Ульяновых. Словно бы не происходит в ней никаких особых событий. Долгие осенние и зимние вечера. Столовая, большой стол, самовар. Висячая керосиновая лампа. Шестеро детей, по возрасту и характеру разбившиеся на три пары: Аня и Саша, Володя и Оля, «мелюзга» — Маняша и Митя. Обычные в такой большой семье шутки, дразнилки, щебетанье младших, смех по неизвестному поводу, няня, которая собаку «Гарсонку» зовет «Кальсонкой», выдуманная собственны-

ми усилиями таинственная игра в «брыкаски». Мечтательная Аня, сосредоточенный и задумчивый Саша, звонкая хохотунья Оля, озорной Володя, распеваящий свою любимую песню:

Богачу, ду-ра-ку
И с казной не спится.
Бедняк гол, как сокол,
Поет, веселится.

Отца часто нет дома: он в губернии, объезжает старые школы, воюет за сооружение новых. Вернувшись в Симбирск, все свободное время проводит в семье, рассказывает о своих поездках, о стычках с помещиками, нежелающими отпускать средства на народное образование, о том, как трудно преодолеть недоверие и подозрительность крестьян, привыкших видеть во всяком деле тайный подвох.

Словно бы тихо и ровно идет эта жизнь. Но ничто не может оградить ее от «впечатлений бытия»: тут и рассказы отца о всяких несправедливостях, и бледные лица арестантов, глядящих сквозь решетки тюрьмы, которая находится совсем рядом с их домом.

И книги. Книги, которые читают сперва старшие, потом средние и младшие. Благородный Айвенго (в тогдашнем переводе его звали «Ивангоэ»). Столь любимый Сашей Пушкин. И разумеется, Некрасов — «Выдь на Волгу...».

Да, выдь на Волгу!

С высокого обрыва, прозванного «Венцом», видны заволжские дали — тонкая голубова-

тая тень бесконечных лесов, подернутые туманом прибрежные пески, золотые на солнце поля. Проплывают пароходы, буксиры тащат баржи, тянутся вереницей плоты, баркасы, шхуны, лодки. Сквозь певучую тишину доносится протяжная песня, из-за речного поворота возникает длинная серо-коричневая человеческая цепь: это бурлаки тянут бечеву.

Не студен-холоден ветерок поносит,
То поносит ветерок по чистому полю, в зеленой
дубраве.
Был и лес-то, дубравушка, лес-то расшумелся,
Во бую, во шуму, ох! Ничего не слышно, ничего
не слышно,
Только слышен один голос человеческий, голос
человечий...

Но Волга, Рылеев, Некрасов, «Русские женщины» — это Сенатская площадь, охваченная восстанием, это декабристы, о которых Герцен вдохновенно писал, что сказание о них становится больше и больше торжественным прологом всей нашей героической генеалогии.

«Что за титаны, что за гиганты и что за поэтические и сочувственные личности!»

Все, кто знал Александра Ульянова во время его такой короткой жизни, в один голос говорят о нем, как о человеке поистине необыкновенном. Внешне замкнутый и немногословный, он принадлежал к числу тех натур, у которых мягкость и даже женственная нежность к близким людям, к товарищам сочеталась с никому не покоряющейся силой закаленной стальной пружины там, где дело шло о принципах жизни.

Влияние его на братьев и сестер было огромным. Одного его слова было достаточно, чтоб утихомирить «мелюзгу». Даже независимый и порой по-мальчишечьи резкий Володя стремился во всем поступать «как Саша».

Особенно велико было место, которое занимал Александр в душе Ани. Щемлящая, пронзительная любовь к нему прошла через всю ее жизнь.

Шли годы. Старшие дети Ульяновых вступили в пору юности, средние стали подростками, младшие еще только готовились к поступлению в гимназию. Все серьезней и вдумчивей становился Саша. Все тверже укреплялось решение Ани сделаться народной учительницей. Все отчетливее мужал и креп характер Володи.

С годами приходило созревание души, развитие духовных возможностей и умственных интересов. Бурное, пламенное, всеобъемлющее, как и всегда в таком возрасте.

Разница в четыре года — много это или мало? Очень много в раннем детстве. Гораздо меньше, когда одному из детей восемь лет, а другому двенадцать. Еще меньше между тринадцатилетним подростком и семнадцатилетним юношей.

Чем дальше идут годы, тем больше близость и взаимопонимание между Александром и Владимиром Ульяновыми. Шахматы, книги, дальние прогулки, самозабвенные разговоры и споры.

Воспоминания Анны Ильиничны высвечивают то одного, то другого из ее близких — отца, мать, братьев, сестер. Скупее всего говорит она о себе, да и то по большей части мимоходом, рассказывая о ком-нибудь другом.

Она рисует себя болезненным, капризным ребенком, застенчивым и робким. Тут есть, вероятно, доля правды, но еще больше щепетильной скромности и стремления показывать не себя, а дорогих ей людей. То немногое, что мы знаем об Анне Ильиничне, свидетельствует о характере вдумчивом, мечтательном, склонном к самопожертвованию и безоглядной преданности делу.

Достигнув отрочества, она (одна во всей семье) начинает писать стихи — трогательные в своем стремлении выразить благородное чувство любви к народу, владеющее автором.

Старшая среди детей, она первой оканчивает гимназию. Впереди — Петербург, Бестужевские Высшие женские курсы. Но она решает подождать Сашу и поехать в Петербург вместе с ним.

А пока читает, учится, чтоб восполнить пробелы в образовании, которые оставляла после себя тогдашняя средняя школа вообще, а женская в особенности.

Последняя длинная осень, последняя долгая зима. И последнее лето в любимом всей семьей Кокушкине, навсегда оставившем в душе Анны Ильиничны воспоминания о самой милой и мечтательной поре ее жизни.

«Это было то поэтическое время «детства с двумя-тремя годами юности», о котором Герцен говорит, что это — «самая настоящая, самая изящная, самая *наша* часть жизни», — писала впоследствии Анна Ильинична.

Человек, которому дорога русская природа с ее задумчивым очарованием, не мог не влюбиться в Кокушкино, в его тенистый парк, заброшенный пруд, отражавший летнее вечернее небо, в поля и перелески, даже в обветшалый старинный дом со скрипящими половицами и сверчками, поющими где-то за печкой.

Рассказывая о том далеком времени, двоюродный брат молодых Ульяновых, Веретенников, приводит слова крестьянки из соседнего села: «Смотрю я на вашу деревнюшку и думаю, что за чуда такая, кака она маленька, да кака развеселая», вероятно, разумея под этим ее красивое, живописное расположение.

Летом там бывало на редкость хорошо. Съезжались двоюродные братья и сестры. Гуляли, купались, качались на качелях, отправлялись с крестьянскими ребятишками в ночное, катались на лодке, бродили по лесам с ружьишками, попросту болтали и шалили.

К сожалению, мы располагаем преимущественно рассказами о немудрящих радостях деревенского приволья. Та духовная жизнь, которая расцветала в летние месяцы, не стесненные гимназическими шорами, в дошедших до нас мемуарах почти не показана. Почему так получилось? Прежде всего потому, что авторами этих воспоминаний в большин-

стве своем были «люди без общественной жилки», как говорила о них Анна Ильинична. К тому же свои воспоминания они писали десятки лет спустя, когда многое забылось. Да и книги их в основном были предназначены для детей, что несомненно сказалось на их стиле и характере.

Что же касается Анны Ильиничны, то она, работая над своими воспоминаниями, была целиком захвачена сложной задачей, которая перед ней стояла: восстановить облик членов своей семьи, и в особенности старших двух братьев. Сделать это было нелегко: подготовленные ею биографии Александра Ильича и Владимира Ильича были первыми по-настоящему написанными книгами такого рода.

Ко всему этому надо добавить и то, что, стремясь в своей работе к чеканной сжатости и лаконизму, Анна Ильинична нередко опускала подробности, которые ослабляли рельефное выражение ее мыслей. А споры, разгоравшиеся порой в Кокушкине, представлялись ей в свете трагических событий будущего простым брожением юношеских умов.

Но это было не так, далеко не так. Интеллектуальное формирование молодого поколения Ульяновых происходило в эпоху, когда над миром пропосились революционные грозы: освободительная борьба в Италии, война Севера и Юга в Соединенных Штатах, Парижская коммуна, народные движения в Центральной и Южной Америке, отзвуки которых гремели в годы отрочества и юности

Анны, Александра, Владимира, Ольги Ульяновых. И на фоне всего этого — небывалый общественный подъем и революционное брожение в самой России.

Это отражалось — и не могло не отразиться — уже в ранних детских играх и Саши, и Ани, и Володи, и Оли Ульяновых. Армиями их самодельных солдатиков командовали Гарибальди и Авраам Линкольн, генералы Грант и Шерман, испанские стрелки, боровшиеся против Наполеона Бонапарта.

А вместе с переложенными на музыку стихами поэтов декабристов и петрашевцев, которые дети слышали чуть ли не с колыбели, с Пушкиным, Лермонтовым и Некрасовым, а потом с Белинским, Герценом, Писаревым, Добролюбовым и Чернышевским в их жизнь входили освободительные идеи, которые владели умами передовой части русского общества.

«Скажи мне, что ты читаешь, и я скажу, кто ты». В истории русской передовой общественной мысли бывали периоды, когда литература, литературные пристрастия и мнения являлись главным или даже единственным ее выразителем.

Такой была литература шестидесятых и семидесятых годов прошлого века.

Новая книга Салтыкова-Щедрина, новая поэма Некрасова, новый роман Тургенева были общественным событием. Двадцатого числа каждого месяца — дня выхода «Отечественных записок» — ждала вся мыслящая Россия.

Поэтому для познания внутреннего мира Анны Ильиничны в высшей степени важны ее литературные увлечения. В своих симпатиях и антипатиях к литературным героям она тверда, порой вступает в спор даже с непререкаемым для нее авторитетом Саши. Так, прочитав в тринадцать лет «Войну и мир», она попадает под обаяние Андрея Болконского, к которому Саша относился пренебрежительно и защищал Долохова. Ей нравился Нежданов из тургеневской «Нови», Саша относился к нему отрицательно. Но в главном, в основном литературные мнения всей семьи совпадают.

Годы идут быстро. Рядом с чисто художественными произведениями возникает и растет интерес к литературной критике и публицистике. Как и все их поколение, Анна и Александр переживают пору страстного увлечения Писаревым с его неумолимым рационализмом, под которым скрывался возвышенный и бескорыстный идеал служения правде, народу, человечеству.

Идеи, убеждения у старших детей Ульяновых складывались сразу, на едином дыхании, без переходов, без постепенности, как буря, как вихрь. Оставаясь незыблемыми в своей основе, они обогащались впечатлениями от новой книги или живой жизни с ее разлитой по всей России нищетой и горем, от одного вида завязанной в тугий узел копейки, этой, по замечательному выражению А. Ф. Кони, «медной слезы» русского народа.

Теплый, тихий летний вечер. В полупрозрачном сумраке отчетливо слышится дале-

кое мычание стада, переклик голосов, скрип колес. На ступеньках веранды сидят Аня, Саша, их двоюродная сестра; Володя, который хоть и намного младше остальных, принимает участие в разговоре на равных, нередко поражая острой неожиданной мыслью и необычным в таком возрасте пониманием существа дела.

Тема — вопросы, которые волновали молодежь того времени: вправе ли человек эксплуатировать другого человека? Оправдывают ли цель средства, при помощи которых она осуществлена? Что представляли собой люди Великой французской революции? А декабристы? Что такое искусство — духовная необходимость или барская блажь? («Сапожник, мол, выше Шекспира»). Какое совершенствование принесет больше обществу: совершенствование общества в целом или же отдельных «критически-мыслящих» личностей? И через все эти споры, парадоксы, сверкание мечей проходят извечные вопросы, которыми жила русская общественная мысль: «кто виноват?», «с чего начать?», «что делать?».

Именно так: «Что же делать?» Вопрос вопросов, от которого не уйти.

Как ни медлителен с точки зрения сегодняшнего дня исторический процесс того времени, но на общем фоне многовековой истории России XIX век предстает исполненным бурного движения: Отечественная война, поход в Европу, декабристы, свинцовая ночь николаевского царствования, крестьянские бунты, народничество и народовольчество,—

чуть ли не каждое десятилетие приносит что-то новое, неожиданное, небывалое.

Огромного нарастания события достигают во второй половине семидесятых и начале восьмидесятых годов — именно тогда, когда молодое поколение Ульяновых вступило в пору юности и жадно вглядывалось в раскрывающуюся перед ним жизнь.

Вспоминая те дни, один из деятелей «Народной воли», Тан-Богораз, писал: «Было это в 1878 году, — феерическое время. Сановников уже убивали, а царя Александра II собирались взорвать. На эдакую страшную силу, как русская полиция, нашелся отпор, — молодежь отдавалась революции — душой и телом. Не все, разумеется, — избранные. Ни одно поколение потом не горело столь жертвенно...»

Героизмом этих юношей и девушек было создано как бы второе правительство — исполнительный комитет партии «Народная воля». Всемогущее. Таинственное. Неуловимое. Взавшее на себя по праву справедливости, бесстрашия и правды самое высокое право — карать преступников, действующих против народа, свободы, совести и чести.

На протяжении ряда лет велась трагическая борьба между исполнительным комитетом и российским самодержавием. Все чаще и чаще появлялись известия о политических процессах, казнях и каторжных приговорах, выносимых царскими судами.

«Жестокости правительства требуют ответа, — писал Степняк-Кравчинский в прокламации, обращенной исполнительным комите-

том к шефу жандармов Мезенцеву.— Он будет дан. Ждите нас!»

Степняк выполнил данное им обещание: среди бела дня он подошел на оживленнейшей улице Петербурга к Мезенцеву и заколол его кинжалом.

Мы, коммунисты, отвергаем путь борьбы, избранный народовольцами. Мы не признаем индивидуального террора. Путь к освобождению трудящихся мы видим в классовой борьбе рабочего класса во главе с Коммунистической партией.

Но мы никогда не забудем о революционном подвиге народовольцев, их героизме, их мужестве.

«Почти все в ранней юности восторженно преклонялись перед героями террора,— писал В. И. Ленин.— Отказ от обаятельного впечатления этой геройской традиции стоил борьбы, сопровождался разрывом с людьми, которые во что бы то ни стало хотели остаться верными «Народной воле» и которых молодые социал-демократы высоко уважали».

Вести о казнях и судебных процессах, о беззаветной смелости участников «Народной воли» доходили до Симбирска и Кокушкина и вызывали живейший отклик в семье Ульяновых. Правда, Анна Ильинична вспоминает лишь один разговор, происходивший с глазу на глаз между Ильей Николаевичем и Александром Ильичем после убийства

Александра II. Но совершенно очевидно, что разговоры о цареубийстве, при всей их опасности, не могли не происходить в такой семье.

Не будем пытаться восстановить эти разговоры: мы их не знаем. Но последующая история младшего поколения Ульяновых достаточно выразительна, чтоб мы могли составить мнение о том, на чьей стороне были они в борьбе, волновавшей всю передовую Россию.

В учебе, чтении, самовоспитании прошли еще два года. Впереди — столица, широкие горизонты, новый мир. Будущее, которое казалось бесконечным.

ГЛАВА ВТОРАЯ

В литературе середины прошлого века можно встретить такой зачин романа, посвященного судьбе молодого человека того времени: поезд подъезжает к Петербургу, герой глядит в окно. Он видит серое пасмурное небо, серые дома, серые крыши, серую даль, мокрые мостовые, серый безрадостный город. По улице бредут усталые прохожие, извозчик нахохлился на козлах, поглядывая на свою облезлую лошаденку. Кругом тоска, тоска, только серая тоска.

Литература, разумеется, отражает то, что происходит в подлинной действительности. Но, думается мне, когда девятнадцатилетняя Анна Ульянова приехала в Петербург, ее настроение вряд ли совпадало с настроением такого литературного героя. Слишком велика была ее тяга к знаниям, слишком сильно было стремление получше подготовиться к служению народу.

Александр, а следом за ним Анна Ульяновы приехали в Петербург в то время, когда город был глубоко взбудоражен: только что в Париже умер Иван Сергеевич Тургенев. Согласно его последней воле, он должен был быть похоронен на Литераторских

мостках Волкова кладбища, рядом с Белинским. 26 сентября 1883 года гроб прибыл в Петербург.

Никогда Россия не видала таких похорон, такой открытой скорби о скончавшемся писателе. С самого утра 27 сентября громадные толпы стояли вдоль улиц, по которым должен был проследовать траурный кортеж, растянувшийся на две с половиной версты.

Как ни велика была похоронная процессия, она была с обеих сторон сжата кольцом казаков: ведь хоронили неодобряемого правительством, неугодного ему писателя. Полицейские наводняли и улицы, и кладбище, куда пропустили очень немногих.

Среди тех, кто заполнял в этот день петербургские улицы, были Анна и Александр Ульяновы. Они пытались прорваться на кладбище, но полицейские их оттеснили. Потом они слышали со слов тех, кому удалось присутствовать при погребении, какое тягостное настроение там было.

В этот же день в Петербурге был распространен листок, напечатанный в одной из последних сохранившихся типографий «Народной воли», посвященный памяти Тургенева, и впервые опубликовано его стихотворение в прозе «Порог».

Вы его помните?

«Я вижу громадное здание.

В передней стене узкая дверь раскрыта настежь; за дверью — угрюмая мгла. Перед

высоким порогом стоит девушка... Русская девушка.

Морозом дышит та непроглядная мгла; и вместе с ледящей струей выносятся из глубины здания медлительный, глухой голос.

«О ты, что желаешь переступить этот порог, — знаешь ли ты, что тебя ожидает?»...

«Холод, голод, ненависть, насмешка, презрение, обида, тюрьма, болезнь, самая смерть?»...

«Отчуждение полное, одиночество?»...

«...Ты готова на жертву?»...

«На безымянную жертву? Ты погибнешь — и никто... никто не будет даже знать, чью память почтить!»...

— Знаю и это. И все-таки я хочу войти», — отвечает девушка.

Прочли ли этот подпольный листок, узнали ли уже тогда это стихотворение темноглазые юноша и девушка, которые бродили в тот день по улицам огромного города, или же они познакомились с ним потом?

Это нам неизвестно.

Но с той прозорливостью, которая отличает истинные произведения искусства, великий писатель словно предрек молодежи тот путь, на который ей предстояло вступить.

Когда сейчас вчитываешься в воспоминания Анны Ильиничны, то чувствуешь, как неумолимо сгущаются те впечатления бытия, которые не могли не толкнуть Алек-

сандра на неравный бой. И понимаешь, что брат и сестра, попав впервые в жизни на художественную выставку, сильнее всего были взволнованы картинами Верещагина, выражавшими на великом языке искусства страстный протест против войны: «На Шипке все спокойно», с фигурой часового, заметаемого снегом, и другой — панихидой над полем, усеянным трупами павших. И понимаешь также, что из всех осмотров достопримечательностей Петербурга наибольшее впечатление осталось у них от осмотра Петропавловской крепости.

Тупоголовое начальство каждое воскресенье открывало ворота крепости, полагая, по недостатку сообразительности, что главным желанием посетителей было поклонение могилам русских императоров. Но брат и сестра Ульяновы стремились к иному. Для них Петропавловская крепость была русской Бастилией, в которой томились и закончили свой земной путь борцы за великое дело свободы.

Пройдя через мостик, Александр и Анна оказались в крепости, погруженной в зловещее молчание, нарушаемое только бряцанием оружия и окликами караула.

«Это было первое для нас дуновение тюрьмы», — писала впоследствии Анна Ильинична.

Они вышли из крепостных ворот и оглянулись. Было часа четыре дня, над Невой нависли низкие тучи, моросил дождь, подхлестываемый резкими порывами ветра. Подавленные, шли они вдоль решетки Летнего

сада. Грудь словно сдавило камнем. Взгляды на Сашу, Анна шагала рядом с ним, чувствуя, как глубоко переживает он все только что увиденное.

У Анны Ильиничны процесс приспособления к петербургской жизни протекал нелегко. Больше всего ей мешала природная застенчивость. Очень способная, успевшая изучить ко времени своего поступления на курсы французский, немецкий и английский, овладевшая уже началами итальянского и болгарского, она обладала обширными для своего возраста знаниями. Память у нее была исключительная: свои любимые поэтические произведения — «Железную дорогу», «Мцыри», «Евгения Онегина», «Орлеанскую деву» — она знала наизусть. Знала наизусть и целые страницы Белинского, Писарева, Добролюбова.

Бестужевские Высшие женские курсы, говоря словами одной из их слушательниц — народоволки Ивановской, были основаны на строго демократических началах. На этих курсах создавались кружки, участники которых нередко потом шли в революцию.

Неудивительно, что над курсами нависла угроза: правительство намеревалось их закрыть. Такая же угроза нависла и над любимейшим журналом передовых людей того времени — над «Отечественными записками».

Правда, Бестужевские курсы удалось отстоять. Но в апреле 1884 года в газетах появилось «Правительственное сообщение» о том, что «некоторые органы» периодической

печати «несут на себе тяжкую ответственность за удручающие общество события последних лет». Они, эти органы печати, гласило «сообщение», проповедовали «теории, находившиеся в противоречии с основными началами государственного и общественного строя», причем «проповедь эта, обращенная к незрелым умам, не оставалась бесплодной». Обвиняя журналы и газеты «известного оттенка», и в частности редакцию «Отечественных записок», в прямой связи с исполнительным комитетом «Народной воли», а также во «внесении смуты в сознание известной части общества», правительство заявляло, что оно «не может допустить в дальнейшем существование органа печати, который не только открывает свои страницы распространению вредных идей, но и имеет ближайшими своими сотрудниками лиц, принадлежащих к составу тайных обществ», а посему постановляло: «Прекратить вовсе издание «Отечественных записок»».

Прогрессивная часть русского общества, особенно молодежь, с острой болью восприняла запрещение «Отечественных записок»; Салтыков-Щедрин потерял трибуну, с которой выступал с грозными обличениями власть и деньги имущих.

«Мы ощущали очень горестно, что наш любимый писатель вынужденно умолк, что орган его закрыт, но чем могли мы в то время выразить ему сочувствие? — вспоминала потом Анна Ильинична.— Все формы общественного проявления были тогда закрыты;

единственно признанным было принесение приветствия в традиционный день именин».

В канун 7 ноября 1885 года к Анне Ильиничне пришел товарищ Саши, студент Военно-медицинской академии, с предложением организовать на Бестужевских курсах депутацию к Щедрину, который болен и чувствует себя одиноким и всеми забытым. Такие же депутации должны были прийти к Щедрину и от других высших учебных заведений.

Застенчивость Анны Ильиничны как рукой сняло. Она тотчас набросала проект адреса, на следующий же день собрала курсисток. Проект был принят.

Вместе с делегацией курсов она отправилась на квартиру к Щедрину. Увидеть его девушкам не пришлось, они лишь услышали стоны из его комнаты. А на следующий день директриса курсов Н. В. Стасова вызвала к себе Анну Ильиничну и рассказала, что она видела Щедрина и он выразил благодарность курсисткам за их адрес, который показался ему самым прочувствованным из всех, им полученных.

Когда Анна Ильинична рассказала Саше о посещении Щедрина и разговоре со Стасовой, он спросил:

— Это ты написала адрес?

Да, его написала она.

И в следующем, 1886 году Анна Ильинична была вновь избрана в состав делегации, посетившей Щедрина в день его именин. На этот раз в делегацию был избран также и Александр Ильич.

Щедрин вышел к студентам. Был он хмурый, худой и желтый, с отросшей бородой, одет в поношенный домашний костюм. Поблагодарив за внимание, за адрес, он пожал всем руки. Александр Ильич так крепко ответил на это рукопожатие, что Щедрин вскрикнул: «Ой-ой! Нельзя же так сильно!»

Кто мог подумать, что через полгода Александр Ильич — такой полный жизни и непочатых сил — взойдет на эшафот!

Первые три года учебы брат и сестра Ульяновы жили обычно неподалеку друг от друга и старались быть вместе каждую свободную минуту. По старой симбирской привычке они усаживались с книгами у зажженной керосиновой лампы и проводили целые вечера, лишь изредка обмениваясь небольшими замечаниями. Но стоило Александру Ильичу чуть шевельнуться или поднять голову, он видел устремленный на него пристальный, полный нежности взгляд старшей сестры.

Они полюбили Петербург, показавшийся им вначале столь чужим и неприветливым, его снежную тишину, широкие улицы, робкую зелень, белые ночи, когда так хочется бродить вдоль набережных Невы.

Летом они уезжали в Кокушкино. Как это всегда бывает, поражались тому, насколько выросли младшие дети. Особенно Володя. Когда они уезжали в Петербург, он был угловатым подростком, еще совсем мальчиком. Теперь они увидели в нем юноше-

скую порывистость, склонность к самоутверждению, резкость и крайность суждений, упрямство, неуступчивость, обостренную принципиальность.

В начале 1886 года семья Ульяновых пережила тяжелое горе: скоропостижно скончался Илья Николаевич. Это произошло как раз тогда, когда Анна Ильинична приехала в Симбирск на рождественские каникулы.

Хоронил его весь город, вся губерния: весть о его смерти прокатилась по всей учительской России.

Анна Ильинична хотела остаться после смерти отца с матерью. Но Мария Александровна настояла, чтоб она уехала в Петербург и продолжала образование.

Она поехала. Всю весну тосковала и болела. Как ни принуждала себя, не могла по-настоящему работать: слишком терзало горе. Не смогла собрать силы, чтобы сдать два последних экзамена. Мучилась бессонницей. Болела изнуряющей лихорадкой, приступы повторялись через две-три недели.

Лето 1886 года было последним летом, в которое Александр Ильич приезжал домой. Анна Ильинична в каком-то предчувствии рокового будущего дорожила каждой минутой, которую она могла провести со старшим братом. Жил Александр Ильич, как обычно, вместе с Владимиром Ильичем. Никогда близость братьев, основанная и на общности и на различии характеров, не была, пожалуй, столь живой, непринужденной, взаимообогащающей.

Уже в первые два года пребывания в Петербурге брат и сестра Ульяновы, конечно, знали, что народовольческие организации существуют. Уйдя в глубокое подполье, они напоминали о себе взрывами бомб, револьверными выстрелами, листовками и прокламациями, изданными в нелегальных типографиях.

Но это были последние трагические усилия обреченной на гибель «Народной воли». Все более надвигалась ночь реакции. Арест следовал за арестом. Кто был повешен, кто отправлен на каторгу, кто навеки замурован в тюрьме. Еще недавно грозный и неуловимый исполнительный комитет «Народной воли» практически более не существовал.

Однако причины гибели «Народной воли» были глубже. О них говорит в своей книге «Запечатленный труд» Вера Фигнер, с мнением которой согласна Анна Ильинична Ульянова. «Колесо истории было против нас», — пишет Вера Фигнер.

Предстояла новая борьба, поиски новых путей. И на грани этих двух эпох во весь свой рост поднялась героическая фигура Александра Ульянова.

Как удачно сказал один из участников революционного движения того времени, «Народная воля» явилась в истории, будто калильная дуга, давшая две яркие вспышки: 1 марта 1881 года и 1 марта 1887 года.

Поверхностному наблюдателю жизнь брата и сестры Ульяновых по их приезде в Петербург осенью 1886 года показалась бы мало отличающейся от той, которой они жили в предыдущие годы. Александр Ильич по-прежнему напряженно занимался естественными науками. Он уже проявил себя как молодой ученый, подающий большие надежды, и получил за свою научную работу о кольчатых червях золотую медаль. Анна Ильинична по-прежнему училась на курсах, часто болела, но продолжала занятия.

Однако даже на поверхности их жизни проглядывало и нечто новое. Они стали жить врозь. Реже встречались. Были не так откровенны между собой, как прежде. У Александра Ильича появился новый круг друзей и интересов, в который он не допускал сестру. Она не столько знала об этом, сколько чувствовала своей любящей душой.

Раздумывая впоследствии об этих месяцах, Анна Ильинична писала:

«...Саша, как видно из ряда воспоминаний — моих и других товарищей, — не принадлежал ни к какой партии летом 1886 г. Несомненно, что путь революционера был уже намечен им для себя, но он только знакомился тем летом с «Капиталом» Маркса, изучал русскую действительность». Пока же, пишет она, Александр Ильич «шел по дороге к революционному марксизму, который еще пытался примирить с народолюбием, как большинство революционеров того времени, но к которому пришел бы окончательно».

Для Анны Ильиничны эти месяцы прошли в непрерывных терзаниях: не могла понять, почему Саша от нее отдалился, новые друзья его нередко внушали ей чувство недоверия и тревоги.

Только однажды почувствовала она прежнюю близость со столь дорогим ей братом: это было во время знаменитой демонстрации, посвященной памяти Добролюбова, в которой Анна Ильинична принимала участие, — первой в ее жизни демонстрации.

Демонстрация состоялась 17 ноября 1886 года, в двадцать пятую годовщину со дня смерти писателя-революционера. О том, что она готовилась, Анна Ильинична узнала заранее.

Вместе с Сашей она поехала на конке к Волкову кладбищу. Собравшаяся там студенческая толпа все возрастала. Ворота кладбища были заперты, во дворах соседних домов притаились отряды городских. После длительных переговоров полицейские позволили пройти на кладбище делегатам с венками. Остальные — в их числе Анна и Александр Ульяновы, не расстававшиеся ни на миг, — продолжали стоять перед воротами.

Когда делегаты вернулись, все собравшиеся сплоченно двинулись в город. Недалеко от Невского они увидели казаков, скачущих на них с шашками наголо. Казаки стали теснить демонстрантов к полицейскому участку.

— Что же теперь делать? — спросили подошедшие к Александру Ульянову его друзья-студенты.

— Идти вперед! — ответил он.

Четыре десятилетия спустя, вспоминая эту минуту, Анна Ильинична писала: «...Его нахмуренное лицо приняло выражение какой-то железной решимости, жутью прошедшей по моим жилам».

Началась полицейская расправа, которая, как пишет Анна Ильинична, «в более активных натурах... вызвала горячий протест, стремление к отмщению, стремление показать правительству, что не все склоняют так покорно головы, что нельзя так безнаказанно оскорблять чувство человеческого достоинства, что этому будет, должен быть положен предел, чего бы это ни стоило,— что, если нужны жертвы, найдутся и жертвы...».

После демонстрации Анна Ильинична стала чаще бывать на квартире брата. Сидя вместе с несколькими товарищами в большой комнате за круглым столом, она надписывала адреса на конвертах, в которых рассылалось обращение к обществу по поводу расправы с демонстрацией. Потом разносила эти письма и бросала в почтовые ящики. И чувствовала все время, что рядом с ней происходит нечто таинственное и непонятное, к чему она не имеет доступа. То в квартире Саши появлялся новый, незнакомый Анне Ильиничне человек, и они, уединившись, тихонько беседовали о чем-то. То Саша поспешно уносил со своей квартиры какой-то тщательно завернутый в бумагу предмет, по форме напоминающий ружье.

В ответ на свои вопросы она слышала односложные и уклончивые объяснения. Когда она входила в комнату, то разговор там тотчас же прекращался.

Все это наполняло Анну Ильиничну смутным беспокойством. Но она была, по ее собственному признанию, так далека от мысли, что готовится террористический акт, да и сам Саша проявлял такое спокойствие, что неясная тревога потонула в других впечатлениях.

В феврале то, что Анна Ильинична называет в своих воспоминаниях «нервной беготней», прекратилось. Казалось, что Александр Ильич полностью ушел в науку. Правда, он предупредил как-то Анну Ильиничну, что она получит предназначенную для него телеграмму. Телеграмма эта пришла ночью. Странная телеграмма, отправленная из Вильно, с незнакомой подписью «Петров» и загадочным текстом: «Сестра опасно больна». Утром Анна Ильинична побежала к брату.

Текст телеграммы означал, что из Вильно в Петербург выехал человек, который везет азотную кислоту и стрихнин для готовившегося покушения на царя.

Словно спугнутый разговором с сестрой, спросившей, что же означает эта телеграмма, Александр Ильич ушел в себя и на лице его выступило что-то отчужденное, неуловимое, отделявшее их в последнее время друг от друга. И еще раз, подойдя вплотную к разгадке, она ничего не разгадала.

Неизвестность ее мучила. Особенно пугали неожиданные, незнакомые прежде поступки брата: однажды он не ночевал у себя; как проговорился один из новых его друзей, Саша что-то гектографирует или печатает.

Она боялась спрашивать о чем-либо брата, но все же изредка, не выдержав, задавала ему вопросы. И всегда, словно на скалу, наталкивалась на его твердое молчание.

Чувствуя, что брату грозит неведомая ей беда, она металась, пробовала разговаривать о нем с близкими друзьями, не спала ночей.

Сидеть над книгами у нее не хватало сил. В пятницу, 27 февраля, она поехала в деревню Волково, чтоб послушать там урок учителя народной школы. Но слушала невнимательно и быстро ушла. Проходя мимо Волкова кладбища, заглянула туда,— в то время она и думать не могла, что здесь суждено покоиться ее сестре, матери, мужу и ей самой. Вся в слезах долго бродила среди могил. На обратном пути заблудилась. С трудом найдя дорогу, вышла на Петербургскую сторону. И вдруг увидела Сашу.

— Откуда ты? — спросил он.

Узнав, что с кладбища, удивился, что-то пробормотал и пошел своим путем.

Это была их последняя встреча.

В воскресенье, 1 марта, Анна Ильинична хотела зайти к нему с утра — накануне не

застала его дома,— но узнала, что он уже ушел. Весь день бродила по городу. Погода стояла весенняя, солнечная, но тревога за брата не покидала.

Вечером она снова побежала к нему, уверенная, что на этот раз непременно его застанет. Подходя к дому, увидела, что окна его квартиры ярко освещены. Очень обрадовалась этому: значит, дома и она сейчас его увидит. Поднялась по лестнице. Позвонила. Дверь резко распахнулась. Два дюжих полицейских схватили ее под руки и втащили внутрь.

В комнате все было вверх дном. Шел обыск — первый из многочисленных обысков, которые она видела на своем веку. Спросила, что случилось, но ей не ответили.

Ничего не зная, ни о чем не догадываясь, она не понимала всей серьезности происходящего. И уж никак не допускала мысли, что и сама будет арестована. Но полицейские повели ее на квартиру, где она жила. Там снова обыск. Больше всего поразили Анну Ильиничну те предосторожности, с которыми была забрана хранившаяся в ящике комода инфузорная земля, привезенная Сашей из Кокушкина.

Дальше ее ждал обычный в таких случаях путь: охранное отделение на Гороховой улице, а сутки спустя — «предварилка», как именовали тогда дом предварительного заключения.

И тут для Анны Ильиничны потянулись дни и ночи, ночи и дни, заполненные только

одним: что же произошло? Почему арестован Саша? Что его ждет?

Пристав, который вез ее на извозчике из охранки в «предварилку», ругал студентов, что они, мол, снова бунтуют, и назвал имя Генералова, который, по его, пристава, словам, бросил бомбу в царя, но был схвачен, а теперь-де сажают всех его знакомых. Навсегда запомнился ей страх, который она испытала, услышав имя Генералова: ведь это был знакомый Саши, она не раз видала его на Сашиной квартире!

Анна Ильинична даже не заметила, как извозчик подъехал к «предварилке», как, скрипя на ржавых петлях, растворились ворота тюрьмы и длинным коридором, где так гулко звенят шпоры, ее провели в одиночную камеру. «...Напряженно разматывая в своем мозгу клубок минувших событий, встреч, разговоров, всего неясного для меня в поведении Саши, я стала понимать с ужасом, леденившим мне душу, что тут дело не в одном знакомстве, а в активном участии. Первый же допрос утвердил меня в этом мнении...»

Вскоре приехала в Петербург Мария Александровна, которая добилась разрешения на свидание с арестованной дочерью, а потом и с сыном. Грустная, но владевшая собой, она несколько успокоила всем своим видом Аню. Во время одного из свиданий на вопрос об Александре Ильиче она лишь сказала: «Молись о нем». Но Аня не поняла тогда смысла этих слов...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Анна Ильинична была освобождена из тюрьмы 11 мая, на третий день после казни брата. Она подлежала высылке в Восточную Сибирь под гласный надзор полиции на пять лет, о чем уже был поставлен в известность иркутский губернатор, и по прибытии в Иркутск отправлена «в определенные пункты с учреждением там гласного полицейского надзора». Местом ссылки был определен город Киренск Иркутской губернии.

У ворот тюрьмы Анну Ильиничну поджидал дальний родственник семьи, Песковский. Он рассказал всю правду о судьбе брата. Волна отчаяния пронизала ее. Песковский просил ее совладать с собой ради матери. Она старалась, но, по воспоминаниям ее, скорее мать была ей поддержкой, чем она поддержкой матери.

Несколько дней спустя в департаменте полиции Анне Ильиничне вручили последнее, полученное ею, письмо брата. Он просил у нее прощения за горе, которое причинил ей и матери.

«Будь здорова и спокойнее, насколько это только возможно,— писал он,— от всей души

желаю тебе всякого счастья. Прощай, дорогая моя, крепко обнимаю и целую тебя».

Только тот, кто пережил гибель близкого человека, поймет невыразимую боль, которую испытала Анна Ильинична, когда получила это письмо.

Мария Александровна словно окаменела. Без стога, без звука несла свое горе. Заботилась об Ане. Хлопотала, чтоб Восточную Сибирь ей заменили ссылкой в «места не столь отдаленные». Добилась этого: министерство внутренних дел вынесло решение о «смягчении наказания» и высылке Анны Ильиничны под гласный надзор полиции в деревню Кокушкино Лаишевского уезда Казанской губернии.

Путь в Симбирск мать и дочь совершили вместе. Вспоминая о возвращении Марии Александровны, няня рассказывала:

«Не позвонила, не постучала. Тихо вошла через черный ход. Маленькие дети так и облепили мать. Смотрю — поседела вся».

Прошло всего два с половиной месяца с того страшного дня, когда в гимназию, во время уроков, прибежала запыхавшаяся девушка и сказала, что друг семьи Ульяновых, В. В. Кашкадамова, немедленно вызывает Володю Ульянова к себе. Ничего не зная, не подозревая возможности несчастья, раздумавшийся юноша вбежал в комнату.

Утром этого дня Кашкадамова получила из Петербурга письмо от родственницы М. А. Ульяновой, Песковской, в котором та

сообщала об аресте Александра и Анны Ульяновых и просила подготовить к этому известию Марию Александровну.

Потрясенная письмом, Кашкадамова решила прежде всего посоветоваться с Владимиром, как со старшим в семье. Зная твердость его характера, она тут же протянула ему письмо. Володя прочел его, задумался и медленно произнес: «Да, дело серьезное». И, помолчав, вышел.

Через полчаса к Кашкадамовой пришла Мария Александровна. Произнесла одно только слово:

— Письмо!

Та молча подала ей письмо. Сохраняя полное самообладание, Мария Александровна быстро прочла его и сказала:

— Сегодня я еду в Петербург. Навещайте детей.

Приняв на свои юные плечи все бремя забот о доме, о меньших, окруженных стеной обывательской злобы и сплетен, Володя, как и все Ульяновы, сумел держаться выше мерзостей так называемого «симбирского общества» и ничем не обнаружить чувства, переполнявшие его душу.

Внешне жизнь в доме Ульяновых текла как обычно. Дети ходили в гимназию, готовили уроки. Сам Володя усиленно занимался: весной его ждали экзамены на аттестат зрелости.

Экзамены начались 5 мая. В самый разгар их Симбирск облетело известие о казни Александра Ильича. Правительственное сообщение о раскрытии «заговора злоумыш-

ленников», суде, приговоре, казни было расклеено по всему городу.

Но Владимир Ильич со свойственной ему несгибаемой нравственной силой продолжал сдавать экзамен за экзаменом. Сдавал их даже в тот день, когда к симбирской пристани подошел пароход и с него сошла сопровождаемая старшей дочерью Мария Александровна, одетая в глубокий траур.

В этих условиях Владимир Ульянов сдал экзамены первым и был награжден золотой медалью.

Как ни впечатляет сила воли, проявленная в этих тягчайших обстоятельствах Владимиром Ульяновым, главным, основным, что раскрылось в нем, было другое. То, о чем так хорошо сказала Н. К. Крупская:

«Судьба брата имела, несомненно, глубокое влияние на Владимира Ильича. Большую роль при этом сыграло то, что Владимир Ильич к этому времени уже о многом самостоятельно думал, решал уже для себя вопрос о необходимости революционной борьбы.

Если бы это было иначе, судьба брата, вероятно, причинила бы ему только глубокое горе или, в лучшем случае, вызвала бы в нем решимость и стремление идти по пути брата. При данных условиях судьба брата обострила лишь работу его мысли, выработала в нем необычайную трезвость, умение глядеть правде в глаза, не давать себя ни на минуту увлечь фразой, иллюзией, выработала в нем величайшую честность в подходе ко всем вопросам».

Так молодой Ленин predetermined свой жизненный путь. И не только свой, но и всей семьи Ульяновых, в том числе и старшей своей сестры Анны.

Приехав вместе с матерью в Симбирск, Анна Ильинична оставалась там недолго: ее торопило жандармское предписание, по которому она «определялась на жительство» в Кокушкине. Следом за ней, в конце июня, в Кокушкино приехали, распродав почти все, Мария Александровна, Владимир и другие члены семьи. Ближе к осени они уехали в Казань.

Анна Ильинична осталась в Кокушкине.

Как непохоже было для нее теперешнее Кокушкино, понурившееся в октябрьском тумане, на Кокушкино времен ее детства и юности! Холодные ветры сдули с деревьев последнюю листву, по небу неслись серые дождевые тучи. Только шорох дождя и дальние переклики улетающих птичьих стай нарушали безмолвие.

В архивах сохранилось несколько писем Анны Ильиничны подруге, написанных в то грустное время. «Моя судьба складывается с внешней стороны довольно ладно,— пишет Анна Ильинична,— мое наказание — ссылка в деревню родных — комедия: чего бы иного я могла желать на лето?» Ее мучает вынужденное безделье, она ищет себе занятие, мастерит какие-то абажуры. Приводит посмертное стихотворение Надсона:

Надо жить, — вот они, роковые слова,
Вот она — роковая задача!
Кто над ней не трудился, тоскуя,
Чья над ней не ломалась от дум голова?

Больше всего ее тревожит мысль, что от безделья она может превратиться, говоря ее собственными словами, «в паразита». Занимается английским языком, чтоб не позабыть его. Совершенствует свое знание итальянского.

При всем своем тяжелом настроении она сохраняет чувство юмора. Высмеивает местного исправника, которому вздумалось отдать ей на воспитание сына, притом полным пансионером.

Единственная надежда ее теперь — литературная работа. Еще при жизни Саши она писала стихи и небольшие рассказы, которые он похвалил. В тюрьме ее потянуло к стихотворчеству. В Кокушкине она написала несколько сказок и стихотворений, которые послала в детский журнал.

Наступил декабрь. Лед сковал реки, на землю лег снег, в тиши зимнего леса лишь попискивали синицы, перелетая с ветки на ветку, да деловито постукивал по коре деревьев дятел. И вдруг эту однообразную музыку прервал все приближавшийся звук колокольчика.

Анна Ильинична, накинув платок, выбежала на крыльцо. Подкатила санная кибитка и из нее выпрыгнул одетый в овчинный полушубочек Володя. А следом за ним — младшие брат и сестра и Мария Александровна.

Дело в том, что Владимира Ильича, поступившего осенью в Казанский университет, арестовали за участие в студенческих беспорядках и отправили в ссылку в Кокушкино.

Владимир Ильич поселился во флигеле, где стоял книжный шкаф его дяди, человека начитанного и образованного. В старых журналах было много статей по общественным вопросам, которые Владимир Ильич жадно читал. Он много бродил по лесам, охотился, думал.

То было время, когда революционное движение попало в тяжелую полосу. «Старое,— пишет Анна Ильинична,— уже умерло или отмирало, а новое не пришло ему на смену... Молодежь того времени стояла на перепутьи. Вера в народовольческое движение гасла, новой еще не на чем было окрепнуть».

Владимир Ильич был весь захвачен поисками новых путей. При свете оплывающих свечей делал выписки, конспектировал и обсуждал с сестрой прочитанное. В напряженной внутренней борьбе формировалось его мировоззрение, формировалась его глубокая и острая мысль и самоотверженная человечность. Сам он впоследствии вспоминал, что ему, кажется, никогда потом в жизни, даже в тюрьме в Петербурге и в Сибири, не пришлось читать столько, как в год после высылки в деревню из Казани. Это было чтение запоем, с раннего утра до позднего вечера.

Особо сильное впечатление в ту зиму, проведенную в Кокушкине, произвели на него

два титана русской мысли: Чернышевский и Салтыков-Щедрин.

Неутомимый летописец четырех десятилетий, последовавших за так называемыми «великими реформами» шестидесятых годов, Салтыков-Щедрин воссоздавал сложный и многообразный процесс, в котором до-реформенная Русь приспособлялась к новому, капиталистическому порядку. В его произведениях вырисовывалась яркая картина того, как время «веяния радостных ожиданий» сменилось вскоре «веянием горестных утрат», затем не сдерживаемым никакими ограничениями ураганом «веяния хищничества», а в начале восьмидесятых годов — какой-то храминой с надписью на воротах «галиматья» и веянием, единственное возможное название которому: «веяние сапогов всмятку».

В беспощадных сатирических обличениях Салтыкова-Щедрина выступала тогдашняя Россия. История должна утешать, горестно раздумывал великий сатирик. «Что до меня лично, я чувствую только одно: история сдирает с меня кожу».

Не менее пронзительно-впечатляющим было для молодого Ленина глубокое знакомство с произведениями Чернышевского, которым он посвятил много зимних вечеров. По выражению Владимира Ильича, Чернышевский его тогда «всего глубоко перепыхал».

Анна Ильинична была все время с братом. С огромным интересом наблюдала за его умственным и духовным ростом. Пора-

жалась тому, как быстро он мужал. Невольно сравнивала его со старшим братом, столь непохожим и в то же время схожим. Отыскивала общие для них обоих черты и старалась определить их различие.

Будущее представлялось пока туманно. Ясно было одно: ее ждет работа. К ней надо готовить все свои силы.

Примерно за год до ареста и гибели Саши в жизнь Анны Ильиничны вошел новый человек: Марк Тимофеевич Елизаров. Знакомство с ним произошло как бы «по цепочке»: сперва его узнал Саша, встретившись в студенческом землячестве, потом Саша познакомил с ним сестру.

Скрытная, как всегда там, где это касается ее самой, Анна Ильинична почти не рассказывает о Марке Тимофеевиче. Впервые она упоминает о нем лишь в связи с добролюбовской демонстрацией и даже в переписке с подругой Надей его имя называет не раньше чем через год по приезде в Кокушкино.

Уже к моменту ареста Анны Ильиничны родные и друзья смотрели на Марка Тимофеевича и на нее как на жениха и невесту. В прошении на имя директора департамента полиции Дурново Мария Александровна, ходатайствуя о замене для Анны Ильиничны ссылки в Восточную Сибирь, называет Самару, как не особенно отдаленную от местожительства жениха ее дочери. И сам Марк Тимофеевич, обращаясь к то-

му же Дурново, телеграфирует: «Умоляю выслать мою невесту Анну Ульянову в Симбирскую или Самарскую губернию. Спасите. Действительный студент Елизаров».

Марк Тимофеевич Елизаров не случайно вошел дорогим и полноправным другом в семью Ульяновых: был он личностью весьма и весьма незаурядной.

Сын крепостного крестьянина, только что получившего «волю», он родился в 1863 году в деревне Бестужевке Самарской губернии, с детства проявил выдающиеся способности, кончил деревенскую школу, затем гимназию и в 1882 году, девятнадцати лет, поступил на физико-математический факультет Петербургского университета. Благодаря успехам был освобожден от платы за учение, иначе не смог бы довести свои университетские занятия до конца.

Наряду с математическими, он обладал исключительными способностями к игре в шахматы. Будучи лишь любителем, выиграл во время сеансов одновременной игры партии у самых сильных, прославленных шахматистов его времени — Михаила Чигорина и Эммануила Ласкера.

Его массивная фигура с крупными чертами лица производила впечатление чего-то очень прочного и устойчивого. Недаром жена Дмитрия Ильича Ульянова, Антонина Ивановна Нещеретова, вспоминая Марка Тимофеевича и Анну Ильиничну, с которой в начале века она сидела в Киевской тюрьме, писала: «Спокойный, уравновешенный, умудренный большим жизненным опытом, Марк

Тимофеевич дополнял в жизни порывистую, быстро загорающуюся Анну Ильиничну...»

Людам, прошедшим такой нелегкий жизненный путь, как Марк Тимофеевич, грозит опасность превратить свое продвижение в самоцель. С ним ничего подобного не произошло. Арестованный по делу 1 марта 1887 года, к которому не имел никакого отношения, он не отрекся от своей любви, открыто признал Анну Ильиничну своей невестой и отныне разделял все нелегкие испытания, которые выпали на долю семьи Ульяновых.

Осенью 1888 года власти предрержащие разрешили Анне Ильиничне провести четыре месяца в Казани: болела и нуждалась в лечении. Как писала она все той же подруге Наденьке, там она «ожила и оценила культурную жизнь, уют». Беспокоило ее душевное состояние Владимира. «Брат тоскует... его и за границу не пустили и вообще косятся очень... Не знаю, что будет». Несколько времени спустя Владимиру Ильичу дано было разрешение переехать в Казань, однако в восстановлении в университете отказано.

Анна Ильинична продолжала жить в Кокушкине. Но к весне Мария Александровна добилась для нее разрешения переехать вместе со всей семьей на хутор Алакаевку Самарской губернии. Туда же приехал и Марк Тимофеевич.

По какому-то стечению обстоятельств — быть может, случайному — Алакаевка, в которой поселилась семья Ульяновых, была местом весьма необычным, связанным с давней революционной традицией: ее прежним владельцем был золотопромышленник К. М. Сибиряков, известный в свое время крупными пожертвованиями на революционные цели. Еще в семидесятые годы он находился под наблюдением печально известного Третьего отделения. Жил он неподалеку от Алакаевки в имении Сколково, ставшем приютом для многих революционеров. В Сколковской школе одно время учительствовал Глеб Успенский и работало несколько человек, привлекавшихся по процессу 193-х, а также сестра Веры Ивановны Засулич.

За приезжими в Сколково шла неусыпная слежка, особенно усилившаяся после покушения Соловьева, пытавшегося убить Александра II. Перед отъездом в Петербург Соловьев работал одно время в Сколкове кузнецом.

Тотчас, после того как Марк Тимофеевич помог Марии Александровне купить у Сибирякова небольшой хутор и участок земли, самарский губернатор послал об этом секретное донесение в департамент полиции. Такое же секретное донесение было направлено начальником самарского губернского жандармского управления, сообщавшего 23 июня 1889 года, что «4 минувшего мая прибыла состоящая под гласным надзором полиции... Анна *Ульянова* на хутор

при дер. Алакаево... Вместе с ней прибыли ее мать, сестры Ольга и Марья, брат *Владимир*, состоящий под негласным надзором полиции, и бывший студент, сын крестьянина Марк Тимофеевич *Елизаров*, человек сомнительной политической благонадежности».

С этим «человеком сомнительной политической благонадежности» Анна Ильинична Ульянова отныне связала свою жизнь.

Чтоб обвенчаться, она, как состоящая под гласным надзором полиции, должна была подать прошение и, говоря словами рапорта уездного исправника, заявить о желании «выйти в замужество за действительного студента С.-Петербургского университета Марка Тимофеевича Елизарова». Ходатайство было удовлетворено. В конце июля состоялась свадьба.

Несколько дней семья Ульяновых провела в давно не испытанном ею простодушном веселье. Потом «молодые» решили съездить к родителям Марка Тимофеевича, жившим совсем неподалеку, причем Анна Ильинична поехала «самоволкой». Но не тут-то было: уездный исправник тотчас спохватился и отдал предписание «об розыске ее и водворении к матери в деревню Алакаевку».

На зиму вся семья переехала в Самару. Анне Ильиничне потребовалась для этого санкция министерства внутренних дел.

В Самаре семья Ульяновых-Елизаровых продолжала оставаться под неусыпным надзором — гласным, а больше негласным, при-

чем в надзоре этом участвовали все органы полицейского государства.

Так, попечитель Казанского учебного округа П. Масленников в рапорте (разумеется, секретном) министру народного просвещения графу Делянову, увековечившему себя своим мракобесием, «почтительнейше представлял» данные о «негласных мероприятиях», связанных с «чрезвычайно интересовавшим его» «негласным обстоятельством».

«Обстоятельство» это состояло в том, что «вдова директора училищ Симбирской губернии Ульянова, выселившаяся из Симбирска вследствие тяжелых семейных несчастий — смерти мужа и смерти казненного сына, виновного в политическом преступлении, переселилась в Казань для воспитания своего младшего сына вместе с остальной своею семьею, состоящей между прочим из совершенно взрослой дочери, прикосновенной отчасти к делу своего казненного брата, и сына, исключенного из Казанского университета за беспорядки, бывшие в декабре месяце 1887 года».

Анна Ильинична и Владимир Ильич особенно привлекают внимание доносчика. «Связи, которые имела дочь Ульянова, и знакомства ее исключенного из университета брата заставляли желать выезда из университетского города семьи Ульяновых», — пишет Масленников.

В жизни Владимира Ильича самарский период, длившийся для него четыре с лишним года, занимает важное место. «Он был

посвящен изучению марксизма,— пишет Анна Ильинична.— Владимир Ильич перечитал за это время все основные сочинения Маркса и Энгельса на русском и иностранных языках и реферировал некоторые из них для кружка молодежи, организовавшегося вокруг него в Самаре. Это была все более юная, менее определенная и начитанная, чем Владимир Ильич, публика, так что Владимир Ильич считался в ее среде теоретиком и авторитетом».

Читатель может заметить, что, описывая основные этапы жизненного пути Анны Ильиничны, мы иногда как бы уходим от героини нашего повествования, сосредоточиваем внимание то на Александре, а теперь на Владимире Ильиче.

Но иначе быть не может. Слишком крупными фигурами были оба брата, слишком велико было их влияние на окружающих, и прежде всего на членов семьи, чтоб можно было отделить их судьбу от судьбы сестры.

В том, что они дали Анне Ильиничне, оба брата взаимно обогащали один другого. Понимая всю условность такого определения, мы могли бы сказать, что Александр сделал Анну Ильиничну революционеркой, Владимир — марксисткой.

Поэтому годы жизни в Кокушкине, Алакаевке и Самаре были плодотворны и для нее, и для брата.

Несмотря на ряд ходатайств, Владимиру Ильичу так и не было позволено восстановление в университете. Просьбы разрешить

ему выехать для завершения образования за границу также наталкивались на категорические отказы. Лишь после трехлетних хлопот Мария Александровна добилась того, что его допустили сдать экзамены экстерном за весь университетский курс.

В полтора года он подготовился к экзаменам и блестяще их сдал при Петербургском университете. А два года спустя окончательно уехал в Петербург. Было это осенью 1893 года.

Владимир Ильич ехал из Самары по Волге. По пути он заехал в Нижний Новгород, встретился там с группой нижегородских марксистов. Рассказ об этой встрече одного из них — Сергея Ивановича Мицкевича — представляет чрезвычайный интерес.

«В августе этого года,— говорит Мицкевич,— мне пришлось познакомиться с Владимиром Ильичем Ульяновым; он тогда еще не был известен под именем Ленина... Ильич расспрашивал о марксистской работе в Нижнем и Москве. Мне сказал, что в Москву переезжает его сестра Анна Ильинична со своим мужем Марком Тимофеевичем Елизаровым, посоветовал познакомиться с ними и указал, как их найти в Москве...

В беседе нашей с Ильичем мы касались многих вопросов: мы рассказали ему о наших знакомых марксистах в Москве и Нижнем, о нашей начавшейся работе среди рабочих, говорили о перспективах этой работы. Помню, что Ильич особенно подчеркивал необходимость создания проч-

ных организаций, установления связей между городами. Для поддержания постоянной связи между Петербургом и Москвой он и дал мне адрес своей сестры в Москве, к которой он собирался время от времени приезжать и тогда видеться с москвичами.

Было у всех нас какое-то приподнятое настроение: нас, марксистов, было тогда еще очень мало в России, но мы предчувствовали, что будущее принадлежит нам...»

Последующие годы показали всю правоту этого предчувствия.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Переезд Анны Ильиничны и всей семьи Ульяновых в Москву внешне выглядел, как чисто семейное дело: срок ссылки Анны Ильиничны кончился, Марк Тимофеевич получил хорошее место в Управлении Московско-Курской железной дороги, младшие дети нуждались в продолжении образования. Естественно, что из захолустной в те времена Самары семья перебралась в столицу.

Истинная причина переезда — это видно из разговора Владимира Ильича с Мицкевичем — была иной.

Как ни беден биографический материал, которым мы располагаем для изучения жизни Анны Ильиничны вообще и московского периода в частности, мы можем с полной уверенностью утверждать, что она к моменту переезда в Москву была политически и теоретически подготовленной, марксисткой, столь же последовательной и непреклонной в своих убеждениях, как и ее братья. Естественно поэтому, что в Москве она быстро установила связи с марксистским революционным подпольем и приняла участие в его работе.

Крупнейшим событием был приезд Владимира Ильича, проводшего в Москве зим-

ние каникулы в январе 1894 года. Однажды он попал на вечеринку, под видом которой происходил диспут между народниками и марксистами. На вечеринке столкнулся с одним из столпов тогдашнего народничества — В. П. Воронцовым и блистательно разбил все его аргументы. Выступление Ленина, писала Анна Ильинична, «разъяснило молодым марксистам многое, оно дало им опору, толкнуло их вперед».

Приезд Владимира Ильича в Москву и его схватка с Воронцовым стали быстро известны Московскому охранному отделению. Как доносил присутствовавший на собрании тайный соглядатай, защиту взглядов марксизма «принял на себя некто Ульянов (якобы брат повешенного), который и провел эту защиту с полным знанием дела».

Таков один из первых, но далеко не последних доносов о революционной деятельности семьи Ульяновых в Москве.

Во главе Московского охранного отделения в то время стоял С. В. Зубатов. Будучи значительно умнее своих коллег, он рано понял смертельную опасность, которую представляют собой якобы «мирные» марксисты для устоев царской России.

С помощью разветвленной агентуры Московское охранное отделение провело ряд крупных арестов в первых марксистских организациях.

В 1896—1898 годах трижды производились аресты членов московского «Рабочего союза», активное участие в котором принимали Анна Ильинична и Марк Тимофеевич.

«Провалы следовали за провалами...— пишет С. И. Мицкевич.— Ни одной группе не удавалось укрепиться хотя бы сколько-нибудь прочно. Шесть месяцев считалось уже большим сроком для существования группы... Прав был покойный Бауман, работавший в Москве, когда говорил, что история рабочего движения в Москве есть история провалов...»

Провалы эти не были случайны. Их причиной было то, что Зубатов располагал в Москве крупнейшим агентом-provokатором. Нежность Зубатова к этому агенту можно измерить той кличкой, которая была у него в московской охранке,— Мамочка, а роль его как provokатора второй его кличкой — Туз.

Этот агент — А. Е. Серебрякова. Кто мог бы подумать, что эта добрейшая, приветливейшая дама тщательно запоминает все увиденное, услышанное, выпрошенное, чтобы тут же передать это Зубатову? Кто мог представить себе, что она, дабы укрепить свое положение, втянула в революционное движение родного сына, заведомо зная, что настанет момент, когда она собственноручно напишет на него донос?

Но как ни ловка была А. Е. Серебрякова, нашлись все же люди, которым она показалась подозрительной. Одной из первых усомнилась в ней Анна Ильинична Ульянова-Елизарова.

По приезде в Москву Анна Ильинична, как и вся семья Ульяновых, деятельно включилась в работу организаций московских

марксистов. Сначала занималась по преимуществу переводами массовой литературы. Перевела драму Гауптмана «Ткачи», изданную на гектографе. Сделала популярное изложение книги Дементьева «Фабрика, что она дает населению и что она у него берет». Книга эта представляла собой итог статистического обследования фабрик и заводов Московской губернии. В ней были отображены условия труда, заработка и быта московских рабочих. На богатом фактическом материале она показывала, что — вопреки тому, что утверждали на сей счет народники, — в России существует рабочий класс, состоящий из наемных рабочих, живущих целиком на заработную плату, причем многие работают на фабриках уже во втором и третьем поколении. Книга Дементьева давала пропагандистам огромный материал. Анна Ильинична сделала из нее небольшую, насыщенную фактами брошюру, которая распространялась в рукописи.

Большое место в работе Анны Ильиничны занимала переписка и личные встречи с Владимиром Ильичем. Под видом семейных отношений осуществлялась связь петербургской марксистской организации с московской.

Владимир Ильич не раз приезжал в Москву. Лето 1894 года он прожил у Елизаровых в Кузьминках, которые были тогда дачным поселком. Там он закончил книгу «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», передал ее для печатания на гектографе А. А. Ганшину.

Квартира Елизаровых сделалась центром притяжения московского революционного подполья, благодаря чему она попала в поле зрения московской охраны, ибо — как остроумно отмечал старый народоволец П. В. Анненков — в России «избежать его (полицейского надзора.— *Е. Д.*) мыслящему человеку было так же трудно, как младенцу самовольным образом избежать крещения».

Получив в 1899 году от начальника Московского жандармского управления Шрамма запрос о семье Ульяновых, Зубатов писал, подводя итоги того, что было известно охране: семья эта имеет «революционные традиции», все члены ее «отличаются крайне вредным направлением. Так, братья ее: Александр — казнен в 1887 г. за участие в террористическом заговоре, Владимир — сослан в Сибирь за государственное преступление и Дмитрий — недавно подчинен гласному надзору полиции за пропаганду социал-демократических идей, а сестра Анна, состоящая, как и муж ее Марк Тимофеевич Елизаров, под негласным надзором полиции, ведет постоянные сношения с заграничными деятелями».

Характерно письмо, написанное иносказательным языком — словами «пожары», «духота», «эпидемия» в нем означены аресты. Автор его М. Т. Елизаров, адресат — А. П. Скляренко, дата — 21 октября 1896 года.

«...У нас в Москве лето было довольно грустное,— пишет Елизаров,— были пожа-

ры, но только на окраинах... Удивительнее всего то, что люди умирали, умирали, а их все столько же, если не больше... Во время сильной эпидемии летом одному старцу сказали (закаленному врагу друзей народа), что вся рыба в реке вымерла, а он хотя бы глазом моргнул: даже улыбнулся и говорит: «Ну что же, рыба умерла — икра осталась: так вот и с людьми...»»

В этом «старце», «закаленном враге друзей народа» мы без труда узнаем В. И. Ленина.

В другом своем письме, на имя И. Х. Лалаянца, М. Т. Елизаров пишет о Владимире Ильиче, которого называет брудер — брат (в то время Владимир Ильич сидел в доме предварительного заключения в ожидании приговора и работал над книгой «Развитие капитализма в России»): «Были громадные эпидемии, такие, что и вымолвить трудно... Наши живут в Питере. Ждут финала... Надеются, что ноябрем все кончится... Брудер чувствует себя отлично. Работает над капитальной статьей: о внутренних рынках... До последнего времени все собирал материалы, но теперь засел писать. Бойтся, что не кончит к окончанию предварилки».

«Наши живут в Питере» — это Мария Александровна и Анна Ильинична.

На протяжении девяностых годов Анна Ильинична не раз отлучалась из Москвы: после ареста Владимира Ильича она несколько месяцев прожила в Петербурге, хлопотала по его делу, пыталась взять его на поруки, носила передачи, снабжала книга-

ми, вела с ним переписку. Это та самая переписка «химией», а попросту молоком, которое Владимир Ильич наливал в «чернильницы» из хлебного мякиша и по поводу которых шутил, что он съел за день шесть своих «чернильниц».

Много лет спустя, вспоминая эту полосу своей жизни, Анна Ильинична рассказывала мне, с каким нетерпением ждала она свиданий с братом. Как-то один из надзирателей даже подшутил над ней: «Я-то думал, что ты к милому бежишь, так летишь во весь дух, а ты-то к брату».

«Мы говорили намеками,— писала Анна Ильинична в своей книге о Ленине,— впутывая иностранные названия для таких неудобных слов, как «стачка», «листовка». Наберешь, бывало, новостей и изощряешься, как передать их. А брат изощрялся, как передать свое, расспросить. И как весело смеялись мы оба, когда удавалось сообщить или понять что-либо такое запутанное. Вообще наши свидания носили вид беспечной оживленной болтовни, а в действительности мысль была все время напряжена: надо было суметь передать, суметь понять, не забыть всех поручений».

Но для того, чтоб все это сделать, чтоб «набрать новостей», «выполнить поручения», чтоб рассказать о таких «неудобных» вещах, как стачка и листовка, для этого надо было встречаться с подпольщиками, быть в курсе революционных событий столицы.

Так оно и было. До нас дошло одно из писем Анны Ильиничны к Марку Тимофеевичу,

отправленное из Петербурга в октябре 1896 года, когда Владимир Ильич сидел в тюрьме: «...здесь концертов никаких еще не было, и вообще труппа довольно малочисленная и не сформированная, все еще после лета... Вероятно, этот год будет менее музыкален, чем прошлый. Все пока скрипки настраиваются». Подставив на место тайнописи то истинное значение, которое за ней скрыто, мы прочтем примерно такой текст: «...здесь крупных открытых выступлений никаких еще не было, и вообще организация довольно малочисленная и не сформированная после летних арестов... Вероятно, этот год будет менее успешным для нашего дела, чем прошлый. Работа только начинает развертываться».

Для подобного рода обобщений и выводов нужно было быть в курсе жизни петербургской подпольной организации, знать людей, знать их работу.

Все это свидетельствует о том, что в период пребывания в Петербурге, когда ее главным (и притом именно *партийным*) делом была помощь Владимиру Ильичу в его работе и тюремной жизни, Анна Ильинична поддерживала самую тесную связь с деятелями ленинского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», принимала участие в работе этого «Союза борьбы».

Но есть тут и другая сторона — личная, психологическая. Мы помним ту девушку — Анну Ульянову, которая всего за девять лет до того переступила впервые порог дома предварительного заключения. Девушку, ко-

торая еще не имела революционного опыта, была потрясена арестом брата, Александра, и находилась во власти тревоги и горя. И вот прошло не так уж много времени — и перед нами революционер, умеющий анализировать работу крупнейшей подпольной организации того времени, оценивать людей, понимать их масштабы, видеть работу организации во всей ее реальности.

В годы, когда Владимир Ильич находился в сибирской ссылке, Анна Ильинична вела с ним систематическую переписку. В нашем распоряжении по преимуществу письма, относящиеся к присылке книг и устройству литературных дел. Если бы не внимательнейшая помощь и забота Анны Ильиничны, ссылка оказалась бы для Владимира Ильича много тяжелее в материальном, а главное — в моральном отношении.

Но кроме этих, легальных писем, были и иные. Вспоминая о них, Анна Ильинична рассказывала: «Все более интересное, не только партийное или нелегальное, я, ездившая время от времени в Петербург, выдавая людей, приезжавших оттуда, из других городов, — из-за границы, описывала Ильичу на наших «Weiss auf weiss» («Белым на белом», т. е. молоком или «химией» на бумаге), на листах каталогов, ненужных книг, последних страничках журналов, иногда даже неразрезанных, чтобы еще больше отдалить подозрение в возможности каких-либо шифрованных сообщений. Ни разу за все три года ссылки Ильича ни одно из таких писем не пропало, не обратило на себя

внимания. Никто, кроме самых близких людей, не знал, каким образом идет переписка. Все имена, кроме того, шифровались. Помню, что я описывала стачки Московской и близлежащих губерний. Рабочие поднимались тогда по провинциям еще туго — каждая стачка была событием. Многие закрепились в памяти. Так, на одной небольшой текстильной фабрике рабочие возмутились плутнями хозяина, тем, что он пускал в ход при перемерке сдельной работы аршин в 17 вершков, и торжественно обрезали его. Большой подъем вызвала у меня стачка и в Гусе-Хрустальном. Помню, что я писала по поводу нее: «Шевелится вся мужицкая Русь» — и что Ильич с особенным удовольствием откликнулся на это письмо».

Было среди этих писем одно, связанное с документом, который Анна Ильинична называет «самым крупным, пожалуй, политическим фактом 1899 года». В один из ее приездов в Петербург близкая к петербургским марксистским кругам А. М. Калмыкова передала ей нечто вроде манифеста, в котором излагались идеи небольшой группы лиц, призывавших к пересмотру учения Маркса. Анна Ильинична переписала его химическими чернилами и переслала в Шушенское Владимиру Ильичу, озаглавив его «Кредо» («Символ веры»). Под таким названием этот документ и вошел в историю.

Это было первое программное выступление русских ревизионистов, подхвативших идеи Эдуарда Бернштейна. То, что Анна Ильинична сразу и совершенно самостоя-

тельно поняла истинное значение этого документа и тотчас сделала все, чтобы Владимир Ильич как можно скорее узнал об этом «Кредо», а также то, что она так точно его «окрестила», — все это свидетельствует о зрелости ее марксистской мысли и остроте политического чутья. «Моя совершенно отрицательная оценка этого писания, как измышления досужих литераторов, отголоски которого я в жизни не видала не только вокруг себя, в Москве, но даже в питерской «Рабочей мысли», вероятно, несколько еще возросла в процессе той кропотливой и неблагодарной работы, которую представляло собой химическое переписывание», — иронизировала Анна Ильинична впоследствии.

Зиму 1897/98 года она прожила в Москве.

В эту самую зиму она и познакомилась с провокаторшей Серебряковой. Четверть века спустя Анна Серебрякова предстала перед судом Московского трибунала. На вид жалкая, согбенная, почти слепая, она защищалась с яростью хищного животного, схваченного охотниками.

Суд над Серебряковой изобиловал тяжелыми минутами. Самой трагической из них была скоропостижная смерть тут же, в зале суда, большевика Николая Николаевича Авдеева, не выдержавшего картины провокаций, которые привели к гибели его ближайших друзей и стоили ему самому многих лет тюрьмы.

Один за другим проходили перед судом свидетели обвинения. И вот появилась

Анна Ильинична Елизарова. В протоколе суда есть такие записи:

Показания А. И. Елизаровой. Свидетельница познакомилась с Серебряковой в январе 1897 года. Бывала на журфиксах у Серебряковой, эти журфиксы ей не нравились.

В эту же зиму Серебрякова предлагала свидетельнице вести два кружка молодежи. Свидетельница отказалась. Через некоторое время Серебрякова предложила ей для занятий другой кружок. Свидетельница отказалась и на этот раз.

Свидетельница тотчас же заметила, что Серебрякова всегда желала очень много знать и выражала недовольство, когда не получала ответа на свои вопросы.

Недоверие, которое возбуждала в свидетельнице Серебрякова, было столь глубоким, что, когда осенью 1898 года свидетельница вместе с П. В. Луначарским и М. Ф. Владимирским образовали первый Московский комитет партии, решено было Серебряковой об этом не говорить.

Но Серебрякова знала уже достаточно, чтобы Зубатов мог приступить к «ликвидации». Почти весь состав Московского комитета РСДРП был арестован. Повезло Анне Ильиничне: незадолго до арестов она уехала вместе с матерью за границу.

Это была не первая ее заграничная поездка. По поручению Ленина она уже побывала за рубежом летом 1897 года, познакомилась с членами группы «Освобождение

труда», привезла им привет от Владимира Ильича. Ей запомнилось, с каким интересом они о нем расспрашивали, просили передать ему, что никто в России не пишет так хорошо для рабочих, как он. Об этой встрече Анна Ильинична написала Владимиру Ильичу — разумеется, «химией», как и все подобные письма. Он ответил тем же способом, что одобрительный отзыв «стариков», то есть Плеханова и Аксельрода, для него ценнее всего, что он мог бы себе представить.

Все письма Владимира Ильича того времени проникнуты глубоким уважением, которое питал он к основателям группы «Освобождение труда». Еще в 1895 году, вернувшись из-за границы, Владимир Ильич много рассказывал о них Анне Ильиничне и советовал съездить за границу, познакомиться с ними.

Анна Ильинична уезжала от «стариков» в самом радужном настроении. Тем неожиданнее был для нее конфликт, который произошел почти на ее глазах между Плехановым и Лениным три года спустя. Для нее, как и для Владимира Ильича, это был первый такой конфликт в их политической жизни, и он оставил после себя глубокую, долго незаживавшую душевную рану.

Мы знаем об этом драматическом столкновении по письму В. И. Ленина «Как чуть не потухла «Искра»?». Читавший это письмо никогда его не забудет.

Скорбными, исполненными горечи и гнева словами Ленин рассказывает, как оказался

под ударом и едва не рухнул взлелеянный им еще в годы сибирской ссылки план издания общерусской газеты. Ленин переживает это с особенной болью потому, что причиной конфликта является «генеральство» Плеханова — человека, на которого он смотрел до того глазами влюбленной юности. «Никогда, никогда в моей жизни,— писал Ленин,— я не относился ни к одному человеку с таким искренним уважением и почтением... Мы были раньше влюблены в Плеханова: не будь этой влюбленности, относись мы к нему хладнокровнее, ровнее, смотри мы на него немного более со стороны,— мы иначе бы повели себя с ним и не испытали бы такого, в буквальном смысле слова, краха, такой «нравственной бани»...»

Письмо Ленина о том, как чуть было не потухла «Искра», было обнаружено и опубликовано уже после смерти Владимира Ильича. О конфликте, происшедшем у колыбели «Искры», до этого знали лишь немногие — и в их числе Анна Ильинична. Она была вместе с братом в Швейцарии. В последние дни августа 1900 года они условились встретиться. И допоздна бродили под ночным небом, вновь и вновь переживая случившееся.

Прошло почти полвека — и события далекого прошлого опять воскресли перед Анной Ильиничной. Она рассказала о них в обширной статье, посвященной письму Ленина: «Это — его запись по свежей памяти, через неделю после происшедшего первого раскола с Плехановым, первого резкого разочарования в нем, пережитого очень глубоко Вла-

дими́ром Ильичем. Это разочарование не только в корне изменило отношение Владимира Ильича к признанному вождю и учителю, но явилось переломным в жизни Владимира Ильича. Много бурь было в жизни Владимира Ильича. Эта первая буря разногласий между близкими сторонниками и соратниками была одной из наиболее глубоких, на поверхности она не отразилась, на ней царил «мертвый штиль». Никому, кроме самых близких лиц, решено было не говорить об этой встряске, но, как в море, при кажущемся затишье качка бывает особенно сильной, так же сильна была эта встряска в душе Владимира Ильича».

Как некогда это было с братом Александром, Анна Ильинична любящим взором наблюдает за каждым душевным движением Владимира Ильича, старается проникнуть в глубины его внутреннего мира.

«Этот урок заставил, несомненно, Владимира Ильича стать более настороженным по отношению ко всем людям, — отмечает она. — И влюбленная юность получает от предмета своей любви горькое наставление: «Надо держать против каждого камснь за пазухой». И обидно становится за ту глубину дружественных чувств, веры в лучшие свойства человека, которые были разрушены и оскорблены».

Что нанесло Владимиру Ильичу наибольшую боль? Прежде всего стремление Плеханова утвердить свое *единоред*акторство, вместо *сореда*кторства, которое должно существовать при положительной работе. Подобное

возвышение собственной личности было совершенно чуждо Владимиру Ильичу. Затем двуличие Плеханова, говорившего одно, а делавшего другое — и это против своих же товарищей!

«Ну, а раз человек, с которым мы хотим вести близкое общее дело, становясь в интимнейшие с ним отношения, раз такой человек пускает в ход по отношению к товарищам шахматный ход,— пишет Владимир Ильич,— тут уже нечего сомневаться в том, что это человек нехороший, именно нехороший, что в нем сильны мотивы личного, мелкого самолюбия и тщеславия...»

По справедливому замечанию Анны Ильиничны, письмо Ленина о том, как чуть не потухла «Искра», для многих и многих открывает новые черты Владимира Ильича. «И как трогательно и юно звучит — это «человек нехороший!» — восклицает она.

Анна Ильинична рассматривает письмо Ленина не только по его существу, но и по его форме. Отмечает, что глубоко искренние переживания изложены, как и всегда у Ленина, со «сжатостью и силой». Подчеркивает, что ленинское письмо дает возможность познать и почувствовать Владимира Ильича лучше и глубже, чем «многие и многие статьи о нем и биографические очерки».

Примерно тогда же, когда в руки Анны Ильиничны попало письмо Ленина, она познакомилась и с впервые опубликован-

ными материалами дискуссии о программе партии, происходившей накануне Второго съезда.

В то время (в 1903 году) Анна Ильинична жила в России. Искровская группа, ревностно охранявшая перед всеми иными группировками и течениями партии видимость своего единства, тщательно скрывала внутренние разногласия. Только через четверть века, когда почти никого из участников полемики уже не было в живых, удалось проникнуть в ту атмосферу, в которой готовился проект программы. Стала известна та большая и нервная борьба, которую выдержал Владимир Ильич, отстаивая перед Плехановым свои взгляды и уступая ему в интересах единства, когда не было иного выхода.

Непосвященный может с первого взгляда решить, что спор велся вокруг мелочей — стилистического блеска, филигранной отделки формулировок. Но когда глядишь на эту полемику сквозь призму дальнейшей истории партии, видишь, как вырисовываются контуры глубоких разногласий, приведших к расколу партии на два крыла — революционное и оппортунистическое.

Уже самый подход к целям и назначению партийной программы у Ленина и его оппонентов принципиально различен. Плеханов и поддерживающая его «старая часть» редакции озабочена главным образом «европеизацией» программы, изяществом построений, «дефинициями», по определению Ленина. Основной недостаток проекта Плеханова,

писал Ленин, в том, что «это не программа борющейся партии, а программа для учащихся, учебник».

Как вспоминала Анна Ильинична, Владимир Ильич видел, что к массам — а это для него главное — идти с таким проектом нельзя, ибо «им надо говорить понятным, боевым, чеканным языком, особенно от лица боевой политической партии».

С характерной для нее широтой ума и талантом, Анна Ильинична, тщательно проанализировав частные расхождения, поднимается до обобщения образа Владимира Ильича. Нарисованный ее рукой, он и поныне остается одним из самых проникновенных в нашей Лениниане.

«Если взять для сравнения музыкальные инструменты,— писала она,— то Плеханов стремился все время переложить аккорды программы русской с.-д. партии на более утонченный струнный инструмент, а Ленин, как барабанщик, идущий во главе боевого отряда, страстно протестовал против этих попыток. Пусть более грубые звуки, но зато более яркие, боевые и понятные широким массам. Ему указывают на диссонансы, удивляются его упорству в нежелании исправить их, а он досадливо отмахивается и как бы хочет сказать: «Ах, пустяки какие! Да неужели вы не видите, что так за нами гораздо бóльшие массы идут»».

Анна Ильинична приехала за границу вскоре вслед за Владимиром Ильичем. Как хорошо, что так случилось: в те трудные для него месяцы ему было так необходимо чувст-

водить рядом с собой близкого, понимающего друга. А разделявшая с ним всю его жизнь Надежда Константиновна томилась тогда в далекой уфимской ссылке.

За границей Анна Ильинична провела два года — с середины 1900 до середины 1902 года. На ее глазах рождалась «Искра». Она принимала участие в подготовке ее первых номеров. Делала любую, пусть самую, казалось, скучную работу.

Было очень важно сплотить вокруг «Искры» российских социал-демократов, находившихся за границей, в революционной эмиграции. С этой целью в Лейпциге, Берлине, Лондоне, Париже, Женеве и в других больших городах были созданы группы содействия «Искре». Анна Ильинична сначала работала в парижской группе, затем в берлинской.

Тайная агентура русской политической охраны за границей, работавшая в тесном контакте с немецкой полицией, взяла ее под неусыпное наблюдение. В полицейских архивах сохранились систематически повторяющиеся донесения агентов внутреннего и наружного наблюдения: «С 24 сентября по 12 октября проживала в Берлине, откуда выехала в Прагу»; «2 мая возвратилась в Берлин»; «29 июня выехала на остров Рюген». В декабре квартирная хозяйка, у которой Анна Ильинична снимала комнату, «отказала Елизаровой в квартире и сделала заявление полиции, что А. И. Елизарова вела подозрительный образ жизни, принимала разных лиц до поздней ночи».

Легко представить себе, что за птица была эта самая квартирная хозяйка! Дело дошло до того, что она пускала агентов полиции в комнату Анны Ильиничны, когда той не было дома, и они рылись в ее вещах. «Под конец пребывания за границей,— писала потом Анна Ильинична,— я подвергалась сильной слежке немецких и русских шпионов и должна была уехать из Берлина в деревню под Дрезденом».

В таких условиях Анна Ильинична жила, работала, писала статьи и корреспонденции в «Искру» и «Зарю», занималась в библиотеках и в то же время старалась взять как можно больше от заграничной жизни — набраться впечатлений, отшлифовать столь необходимое для нее, переводчицы, знание иностранных языков.

Как вспоминает жена Дмитрия Ильича, Антонина Ивановна Нещеретова, Анна Ильинична обладала тонким эстетическим чувством, любила театр, лирическую поэзию, любила самую жизнь, ценила ее красоту и временами отдавалась влечениям своей художественной натуры, чтобы, когда призовет долг, с еще большим энтузиазмом отдаться революционному делу.

Часть времени она прожила в Швейцарии, часть — в Мюнхене, затем в Париже. Много путешествовала. Пользовалась при этом по преимуществу поездами местного назначения — так было дешевле, да и давало возможность больше увидеть и познакомиться со спутниками по купе, поговорить об их жизни.

Ушел безвозвратно XIX век, наступал первый год XX века. Повсюду чувствовалось необычное возбуждение. Люди размышляли над итогами минувшего века, задумывались над тем, что несет им грядущий.

Готовился к встрече первого Нового года нового века и шумный, веселый город Мюнхен, город упитанных мещан и пестрой богемы. А вдали от городского шума, в домике на окраине над столом склонился Ленин. Быстрым, словно летящим почерком он писал передовую статью для первого номера «Искры»: «Перед нами стоит во всей своей силе неприятельская крепость, из которой осыпают нас тучи ядер и пуль, уносящие лучших борцов. Мы должны взять эту крепость, и мы возьмем ее...»

ГЛАВА ПЯТАЯ

Со второй половины девяностых годов вся семья Ульяновых вела активную революционную работу — кто пропагандистом, кто организатором, связным, литератором, разносчиком листовок и прокламаций. Полиция не сводила с нее глаз: обыск следовал за обыском, арест за арестом. Почти постоянно кто-нибудь из семьи сидел в заключении, а порой одновременно и двое и трое, причем в разных тюрьмах и даже в разных городах. Мария Александровна носила передачи и хлопотала об участии детей. В полицейских канцеляриях она проводила, пожалуй, больше времени, чем дома.

Анна Ильинична по возвращении в Россию работала в Москве, была агентом «Искры». Несмотря на полицейскую слежку и постоянные обыски, благополучно «продержалась» около полутора лет. В этом ей помогли уже выработавшиеся за годы подполья конспиративные навыки, а также знаменитый столик, стоявший в ее квартире. Столик этот, как рассказывает Анна Ильинична, был изготовлен в 1900 году. Первоначальная идея его принадлежала Владимиру Ильичу. Еще осенью 1893 года, в са-

мом начале нелегальной работы, Владимир Ильич пришел к выводу, что каждый подпольщик должен иметь у себя тайник для нелегальной литературы. «Например,— говорил он,— круглый стол с выдолбленной ножкой».

Позже такой столик Владимир Ильич заказал через рабочих, состоявших в «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса». Его единственная толстая ножка была полый. Она заканчивалась отверстием, в которое была ввинчена точеная пуговица. Отвернув пуговицу, можно было засунуть в ножку довольно большой сверток.

Первый свой экзамен столик выдержал в ночь ареста Владимира Ильича 9 декабря 1895 года. Полиция не проникла в его тайну и ничего нелегального у Владимира Ильича поэтому взято не было. После того как Владимира Ильича увезли в тюрьму, Надежда Константиновна забрала столик к себе. Во время ее ареста столик снова оправдал себя. Потом мать Надежды Константиновны перевезла его к Анне Ильиничне и там, отвинтив пуговицу, извлекла объяснение к Программе социал-демократической партии, которое Владимир Ильич прислал из тюрьмы, переписав его молоком между книжных строк.

Надежда Константиновна к моменту своего ареста не успела расшифровать и переписать до конца это объяснение. Работу продолжала Анна Ильинична. Каждой ночью она укладывала в ножку стола результаты своей работы. Так поступила Анна

Ильинична и с последним свертком переписанного. Но тут ей сообщили о начавшихся в Петербурге арестах. Она успела все передать по адресу, и они с Марией Александровной уехали в Москву, бросив столик. Правда, он уже дал трещину от частого пользования, но утрата его переживалась как утрата старого друга.

Надо было делать новый. И Марк Тимофеевич Елизаров придумал улучшенную конструкцию, устроив тайник в шахматном столике. Его не надо было каждый раз переворачивать, как первый, достаточно было выдвинуть один ящичек. Дело шло при этом так быстро, что иногда они запрятывали нелегальные материалы уже после ночного звонка, оповещавшего об очередном обыске. Но обычно все запрятывалось еще до прихода полиции, и в потайном ящичке постоянно что-нибудь да хранилось.

Этот столик исколесил вместе с семьей Ульяновых-Елизаровых почти всю Россию—побывал в Самаре, Киеве, Петербурге, Саратове, Вологде, снова в Петербурге, снова в Москве. С 1901 года, когда были арестованы Марк Тимофеевич и Мария Ильинична, и до февраля 1917 года, когда в канун революции была арестована Анна Ильинична, ни разу, ни при одном обыске, которому подвергалась семья Ульяновых, столик не выдал себя. Жандармы, проводившие обыск, иногда спрашивали о содержимом его ящичков. Тогда им приносили ключи и, порывшись в ящиках, наполненных шахматами, жандармы задвигали их и переходили к

столам, в которых лежали совершенно невинные рукописи и книги.

В 1904 году в столике хранился архив Центрального Комитета партии, избранного на Втором съезде. Если бы не столик, то при аресте Анны Ильиничны и Марии Ильиничны в руки жандармов попали бы секретнейшие партийные документы, а сами они наверняка были бы осуждены на каторгу. Но так как столик уберег тайну, а шпионских показаний против сестер Ульяновых не было, обе они были освобождены из тюрьмы.

В последнюю перед революцией зиму 1916/17 года на квартире Анны Ильиничны было три обыска. Но столик, как и всегда, не вызвал никаких подозрений. Между тем в нем были спрятаны подпольные листовки Петербургского комитета партии, призывавшие к борьбе против войны, а также заграничные партийные газеты и переписанные с тайнописи письма Владимира Ильича сестре и товарищам по партии, черновики ответных писем ему.

«Поистине, столик заслужил себе пенсию!» — воскликнула Анна Ильинична, передавая его в Музей революции.

В августе 1902 года Анна Ильинична после третьей заграничной поездки вернулась в Россию. По тщательности обыска, произведенного при переезде границы, было видно, что за ней установлено особо строгое наблюдение.

Марк Тимофеевич к этому времени — после очередного ареста в марте 1901 года — был выслан в Сызрань под гласный надзор полиции. Работы он там найти не мог, сызранские жандармы в своих рапортах писали о нем, что он «живо интересуется всеми движениями среди учащейся молсдежи, ярый защитник всех ее увлечений и убеждений, противник правительственных распоряжений, клонящихся к ограничению или стеснению в чем-либо прав учащихся, по слухам, находится в постоянных сношениях с кружками молодежи» (а это означало, что работу ему не найти и впредь).

Обдумав все, Марк Тимофеевич решил перебраться подальше от неусыпного жандармского ока, в Сибирь. Поселился в Томске, куда и приехала к нему Анна Ильинична.

Они сразу наладили связь с местной искровской организацией, нашли каналы для пересылки корреспонденции и получения свежих номеров «Искры». И так же сразу были взяты под пристальный надзор полиции. И пошли, пошли доносы, что Марк Елизаров «вращается исключительно среди неблагонадежных».

Нет, в Томске задерживаться было нельзя. Поехали они дальше на восток — в Дальний, затем в Порт-Артур, где Марк Тимофеевич стал работать в Управлении Восточно-Китайской железной дороги. А в сентябре 1903 года, когда кончился срок пребывания под гласным надзором полиции, Марк Тимофеевич уехал в Японию, а отту-

да на океанском пароходе вокруг Африки в Марсель.

Анна Ильинична вернулась с Дальнего Востока в Центральную Россию. Сперва в Самару, где жила Мария Александровна, потом, вместе с матерью, в Киев.

Внешне этот переезд выглядел как чисто семейное дело: в Киеве жил в то время Дмитрий Ильич, работавший в больнице, и, естественно, к нему приехали мать и сестры.

На деле причины этого переезда были отнюдь не семейные: туда, в Киев, тогда перебазировалось Русское бюро Центрального Комитета партии, работа которого велась особо конспиративно.

Первым из семьи Ульяновых приехал в Киев Дмитрий Ильич. Приехал сразу же после Второго съезда партии. Затем прибыла Мария Ильинична, а потом и Анна Ильинична с матерью.

Легко представить себе, сколько было говорено и переговорено при встрече. Как расспрашивали они Дмитрия Ильича о Владимире Ильиче, о борьбе на Втором съезде, о расколе в партии, о перспективах дальнейшей борьбы.

Воодушевленные решениями съезда, сестры и брат Ульяновы с присущей им энергией включились в нелегальную партийную работу, направленную на усиление связей Бюро ЦК с местными партийными организациями.

Но, как говаривали тогда в революционных кругах, «человек предполагает, а жандарм располагает». Поработать в Киеве

Ульяновым довелось совсем недолго, около трех месяцев. В самый канун 1904 года в Киеве прокатилась волна арестов и обысков. «Здесь страшный провал,— писала из Киева в Петербург М. М. Эссен.— В четверг 1 января произведено 600 обысков и арестовано 167 человек... взяты: Ульянов с женой (брат Ленина), его сестры...»

Дмитрия Ильича отвезли в крепость, где он просидел около года. Анну Ильиничну, Марию Ильиничну и жену Дмитрия Ильича, Антонину Ивановну, отправили в Лукьяновскую тюрьму.

При аресте и обыске никаких улик революционной деятельности семьи Ульяновых жандармам найти не удалось. Да и всю работу Ульяновы и все их товарищи по Русскому бюро ЦК и Киевскому комитету партии вели так тонко, умно и конспиративно, а на допросах держались так умело и бесстрашно, что при всем своем старании жандармы не добрались ни до документов, ни до самой сути их революционной деятельности. Они вынуждены были отказаться от устройства судебного процесса, который, по жандармскому плану, привел бы к суровому приговору.

Около полугода Анна Ильинична просидела в Лукьяновке. А за тюремной стеной жила заботившаяся обо всех Мария Александровна.

«Трудовой день Анны Ильиничны в тюрьме обычно начинался и кончался заботами о товарищах по заключению, с которыми она делилась последним...— пишет в своих вос-

поминаниях Антонина Ивановна.— Сидя в тюрьме, Анна Ильинична продолжала дело установления и укрепления связей между товарищами, находившимися на воле, информировала их о положении дел, часто нагружала свою мать тюремными поручениями, которые Мария Александровна выполняла с исключительной аккуратностью и быстротой. Ловкость Марии Александровны, когда она получала и прятала записки в присутствии жандарма, была изумительной».

По одному Ульяновых выпускали из тюрьмы. Черед Анны Ильиничны настал в июне 1904 года. Марк Тимофеевич к этому времени работал в Управлении Николаевской железной дороги, правление которой находилось в Петербурге. Поскольку Анне Ильиничне, находившейся под надзором полиции, было отказано в праве жительства в столице, они поселились в поселке Саблино, в получасе езды от Петербурга. Вскоре к ним приехали Мария Александровна и Мария Ильинична. Это было уже в конце 1904 года, незадолго до великих событий, потрясших Россию.

Чуткое ухо Ленина давно слышало отдаленные раскаты приближающейся революции. Он внимал им, подобно крестьянину, который в пору засухи ловит каждый звук, надеясь услышать звон дождевых капель. Теперь раскаты приближающейся революционной бури слышали все. Месяц за месяцем все выше подымалась волна стачечной борьбы. Все чаще стачки перерастали из чисто экономических в политические.

Все шире и массовее становился размах движения.

Но в Петербурге происходило нечто странное. Появилась фигура до того никому неизвестного попа Гапона. Во всех концах города, и прежде всего в рабочих районах, неподалеку от крупнейших заводов столицы, возникли одно за другим отделения «Собрания русских фабрично-заводских рабочих». В этих отделениях совершенно открыто, на глазах у полиции, рабочие рассказывали о своей тяжелой доле, говорили, что так жить они больше не могут.

Что это означало? Почему было разрешено?

За несколько лет до этого нечто подобное происходило в Москве. Там идея и организация движения принадлежала уже известному нам начальнику Московского охранного отделения Зубатову. Подолгу беседуя с рабочими, арестованными за революционную деятельность, он всячески убеждал их, что напрасно они идут в революцию: царь, мол, хорош, а все беды проистекают от жадности фабрикантов и заводчиков. А посему не надо подыматься против царя, против полиции: те сами готовы помочь рабочим. А борьбу надо вести только против капиталистов.

Кое-кого Зубатову удалось уговорить, но вообще затея его провалилась, и он сам был уволен в отставку.

Гапону повезло больше. Его проповедь, повторявшая идеи Зубатова, упала как искра на сухостойный лес. Хотя было очевидно,

что снова повторяется такая же полицейская провокация, как в Москве, и окруженный таинственным ореолом Гапон явно заманивал рабочих в какую-то ловушку,— все это не могло остановить разгоряченную, словно загипнотизированную массу. Из вечера в вечер у помещений гапоновского «Союза» в свете уходящих в даль тускло мерцающих фонарей видно было море человеческих голов. Толпа благоговейно, «как в церкви», слушала слова, доносившиеся сквозь растворенные окна. Несмотря на мороз, многие стояли без шапок. «Все недоумения между собой фабриканты и рабочие должны решать поровну»,— доносилось изнутри. «Поровну, поровну»,— подхватывала толпа. «Чем так жить, не лучше ли сойти в могилу?» — «В могилу! В могилу!» И тут раздался призыв Гапона: со всеми своими бедами идти просить помощи к царю.

Вести о том, что происходит в Петербурге, в тот же день доходили до Саблина.

О Гапоне Анна Ильинична была уже слышана раньше. Как и все петербургские большевики, считала подозрительной и темной личностью этого «странного» попа, причастного к зубатовщине. Но, узнав о его огромном, «электризирующем» влиянии на массы, решила составить себе о нем непосредственное впечатление.

Вечером 8 января Анна Ильинична поехала в Петербург и отправилась за Нарвскую заставу, где гапоновцы особенно широко развернули свою деятельность.

У ворот большого двора, ведущего к отделению «Союза», она увидела объявление, что 9 января, в воскресенье, будет происходить «шествие с петицией». Поблизости прохаживался городской. Объявление он не срывал. Двор был полон рабочих. Настроение было торжественное, даже праздничное. Они передавали друг другу слова Гапона: «Говорил: пойдём к отцу и скажем ему, как мучают нас наши обдиралы. Скажем ему: царь наш, отец наш, прими нас, мы пришли к тебе, помоги нам, детям твоим. Мы знаем, что ты рад жизнь отдать за нас и только живешь для нас, но ты ничего не знаешь, как бьют и мучают нас, как мы голодаем, как всегда измучены и притом невежественны, подобно скотам, почти что все неграмотны...»

Все они были убеждены, что царь к ним выйдет, поговорит, поможет.

У Анны Ильиничны защемило сердце.

— Вас к царю не пустят,— пыталась она доказать рабочим.— Все кончится арестами и нагайками.

Но ее доводы разбивались, как о стену. Анна Ильинична ушла с тяжелым чувством, полная тревоги за то, что будет завтра. В Петербургском комитете партии она узнала, что большевики решили участвовать в шествии и быть с народом, разделив его судьбу.

Поздним вечером возвращалась Анна Ильинична к друзьям, у которых остановилась. Ночь была тихая, тревожная. На всех мостах и переходах по льду через Неву стояли воинские пикеты, горели костры, дыми-

лись походные кухни. Солдаты были возбуждены, им дан был приказ стрелять по сигнальному рожку. Над крышами домов плыла огромная кроваво-красная луна.

Петербург не спал. Ждали утра. Верующие молились, обращая свои молитвы к богу, к царю, к «батюшке-Гапону».

Анна Ильинична не сомкнула всю ночь глаз. Едва забрезжил слабый зимний рассвет, побежала туда, где собиралась процессия Петербургской стороны. Повсюду по углам уже выстроились войска в полном боевом снаряжении.

Мне довелось слышать воспоминания Анны Ильиничны, выступавшей на собрании, посвященном пятидесятилетию Кровавого воскресенья.

— Столько лет прошло, много видела я страшного,— сказала она.— Но это был, может, самый страшный день в моей жизни.

Да, столько лет прошло, столько пережито, но и сегодня не можешь не испытывать боли и трепета, когда думаешь об этом дне, когда читаешь рассказы тех, кто был тогда на улицах Петербурга, видишь охваченную слепым экстазом толпу, матерей с грудными детьми, сверкающие на солнце иконы, весело прыгающих ребятишек, истовые лица взрослых, поблескивающие казачьи пики, слышишь пенье «Отче наш» и «Боже, царя храни», сигнал рожка, первые сухие залпы.

— Это, наверно, холостые! — воскликнула Анна Ильинична, которая не могла представить себе, что эти легкие звуки были началом расстрела безоружных людей.

— Какое «холостые»! — крикнула бежавшая женщина.— Подле меня один упал, а у другого рукав весь в крови.

Все же ряды шествия продолжали двигаться. Но послышались новые залпы. Толпа шарахнулась, проклиная, взывая о мщении.

Повсюду в городе шла стрельба. Рабочие в порыве отчаяния рвали на себе пиджаки и рубахи и с открытой грудью шли на штыки. Молча падали, когда солдаты открывали огонь, снова поднимались и пробивались дальше, к Зимнему дворцу, где их ждали новые залпы. Снег был усеян убитыми и ранеными, и среди них много детей, сбитых пулями с деревьев, на которые они забрались, чтобы «поглядеть на царя». На Дворцовой площади была масса войск, пехоты и конницы. Дворец был окружен пушками. Казаки с саблями наголо, пиками наперевес налетали на безоружных людей.

— Мне как-то не поверилось,— говорит Анна Ильинична,— когда я прочла об этом впервые, но это подтверждают многие очевидцы: как бы в довершение фантастической картины, которую представлял собой восставший Петербург, на затянутом белесоватой мглой небе мутно-красное солнце дважды отразилось в облаках, и казалось, что в небе плывут три солнца. Потом засветилась небывалая в это время года яркая зимняя радуга, а когда она потускнела и скрылась, поднялась снежная буря, в которой продолжали греметь ружейные залпы.

До поздней ночи улицы были полны. Электричество не горело. Лишь подожженные газетные киоски оранжево-красным пламенем освещали Невский. Народ двигался порывисто, угрюмо. В темноте раздавались выкрики, слышались восклицания: «У нас нет больше царя!», «Долой царя!», «Долой самодержавие!»

К вечеру в рабочих районах стали строить баррикады.

«Величайшие исторические события происходят в России,— писал Ленин по поводу событий 9 января.— Пролетариат восстал против царизма».

И обращался со страстным призывом: «Да здравствует революция!»

Да здравствует восставший пролетариат!»

Отныне главной задачей партии стали организация масс и подготовка вооруженного восстания.

Анна Ильинична почти все время проводила в Петербурге. Она ведала всем финансовым хозяйством Петербургского комитета партии. Для революционной работы и выпуска нелегальной литературы нужны были деньги. Надо было иметь деньги и для того, чтобы хоть как-то обеспечить жизнь работников партии, перешедших на нелегальное положение. Они были предельно скромны, берегли каждую партийную копейку, но без помощи партии не могли бы существовать.

Финансовая работа Анны Ильиничны состояла не столько в учете расходуемых сумм, сколько в добыче средств — и путем сборов, и устройством концертов, и продажей партийной литературы.

К этому надо добавить еще и лежавшую на ней транспортировку по нелегальным каналам партийной литературы, в частности большевистских газет «Вперед» и «Пролетарий». И при этом она умудрялась найти время и силы для перевода революционных изданий, рассчитанных на широкий круг читателей: «Революция 1848 года в Германии» В. Либкнехта, «Раздел добычи» Паннекука.

Осенью 1905 года из-за границы приехал Владимир Ильич. Тут появились и новые заботы, и новые дела. Теперь Анна Ильинична еще теснее связалась с большевистской печатью и вошла в редакцию издательства «Вперед».

И тогда же, осенью, большое место в ее работе и жизни заняли дела, связанные с революционной деятельностью Марка Тимофеевича Елизарова.

Уже около года Марк Тимофеевич работал на Николаевской (ныне Октябрьской) железной дороге. В общий подъем революционного движения в стране втянулись и железнодорожные рабочие. Марк Тимофеевич оказался в центре событий Петербургского железнодорожного узла.

Весной 1905 года он был избран на первый съезд железнодорожных рабочих и слу-

жащих, а затем — в постоянное Организационное бюро. Занялся выработкой пенсионного устава для железнодорожников, основанного на демократических принципах, и завоевал себе этим огромную популярность среди рабочих железных дорог. А в октябре 1905 года был одним из руководителей Всесообщей забастовки железнодорожников, которой собственно началась Всероссийская политическая стачка.

Эти бурные события заполнили весь 1905 год. В 1906 году, когда правительство, подавив Декабрьское вооруженное восстание, перешло в наступление по всему фронту, Марк Тимофеевич был арестован.

Премьер-министр С. Ю. Витте, до которого дошел протест Марка Тимофеевича против ареста, запросил о нем департамент полиции. «Елизаров, — ответил департамент, — очевидно, принадлежит к числу крупных и влиятельных в своей среде деятелей, стремящихся противопоставить государственной власти сильную организацию железнодорожных служащих».

Так как прямых улик против Марка Тимофеевича у департамента полиции не было (и на этот раз выручил шахматный стол!), после трехмесячного заключения он был выслан из Петербурга, с запрещением служить на железных дорогах. Он выбрал местом ссылки Сызрань.

Положение Анны Ильиничны весьма трудное: Марк Тимофеевич всегда был опорой семьи, а сейчас его не было, братья и сестра целиком поглощены революционной рабо-

той, вместе с нею была мать, нуждавшаяся в уходе и внимании. Все бремя семейных забот легло на ее плечи. Но как ни трудно ей было, она не прекратила свою революционную деятельность. По дошедшим до нас письмам Марии Ильиничны мы знаем, что работа велась непрерывно. «Книги (видимо, посланные Анной Ильиничной.— *Е. Д.*) доставили всего несколько дней тому назад — 2430 экз. в обложках и 780 в папке,— пишет она сестре в январе 1907 года.— В Самару книги давно отправлены». В другом письме она упоминает об издании докладов на V съезде партии, состоявшемся в Лондоне в мае 1907 года.

Важнейшим партийным делом Анны Ильиничны на ряд лет становится забота об издании работ В. И. Ленина. В хранящихся в архиве ее письмах к Владимиру Ильичу она рассказывает о том, как ходила по поводу издания книги «Материализм и эмпириокритицизм» в издательство «Знание» к Пятницкому, рекомендует отдать книгу в это издательство, грустит, что Владимир Ильич, к которому она ездила за границу, плохо выглядит, хочет послать ему денег. «Книгу твою я читаю,— пишет она два месяца спустя.— Чем дальше, тем она интереснее».

Она скрупулезно занимается изданием книги: ведет переговоры с издательствами, тщательно просматривает корректуру, посылает Владимиру Ильичу гранки, верстку и чистые листы. Одновременно следит за изданием сборника «Памяти Маркса», который вышел в 1908 году и для которого Вла-

димир Ильич дал статью «Марксизм и ревизионизм». В издательстве «Зерно» (во главе которого стоял старый большевик М. Кедров) с ее помощью был подготовлен трехтомник работ Ленина. Удалось выпустить лишь первый том, который тотчас был конфискован, и первую часть второго. Но часть тиража М. Кедров спас от уничтожения, и книга распространилась.

Тем временем Марк Тимофеевич стал работать в газете «Сызранское утро» и сделался ее фактическим редактором. Ему удалось превратить ее в популярный орган, широко распространявшийся среди крестьян.

Работа Марка Тимофеевича в Сызрани была оборвана огромным пожаром, опустошившим город. Он перебрался в Самару, работал в газете «Самарская лука», превратил ее редакцию в штаб большевиков. Во время выборов во II думу был выставлен в эту думу кандидатом от социал-демократов большевиков. Но реакция, во всю развернувшаяся после разгона этой думы, а также отсутствие заработка вынудили его уехать в Нерчинск. И в этом далеком краю он смог служить на строительстве железной дороги только неофициально. Это заставило его перейти на службу в страховое общество «Саламандра», принадлежащее частным лицам.

Семья Ульяновых переживала большие материальные затруднения, к тому же все болели. Тревожила судьба Владимира Ильича. Летом 1907 года Анна Ильинична побывала у него в Финляндии. Он тогда словно бы

отдохнул и несколько отошел после тяжелых месяцев поражения революции 1905—1907 годов, но к зиме обстановка стала тревожной, ему пришлось покинуть Финляндию, чтобы спастись от неминуемого ареста.

Вместе с Надеждой Константиновной Владимир Ильич поселился в Женеве, потом переехал в Париж.

За эти годы Анна Ильинична не раз ездила за границу, к Владимиру Ильичу. Поездки эти были связаны с партийными делами и с изданием книг Владимира Ильича. По его же поручению Анна Ильинична ездила за границу, чтобы разыскать партийные документы («женевскую корзину»), упорно разыскивала и разбирала партийные архивы.

Побывал за границей у Владимира Ильича и Надежды Константиновны и Марк Тимофеевич, некоторое время прожила там Мария Ильинична. В 1910 году к нему ездила на свидание в Стокгольм Мария Александровна с младшей дочерью. Впечатления, оставленные у тех, кто его видел, несомненно, отразились в отзыве, написанном Анной Ильиничной полтора десятилетия спустя по поводу впервые опубликованной переписки Ленина с Горьким.

Письма Владимира Ильича, сообщала Анна Ильинична, «раскрывают переживания Владимира Ильича в эпоху реакции 1908—1911 годов. В оболочке личной переписки выступает вся стойкость Владимира Ильича в трудное время второй эмиграции, когда он, по его собственному выражению, попал

в Женеву, как в могилу. Из этой могилы он неустанно завязывает вновь разорванные нити, обличает одних, одобряет других, все с той же энергией, с той же верой в конечную победу и с тем же мужеством. Письма эти являются ценным добавлением к его книге «Материализм и эмпириокритицизм», борьбой против религиозных предрассудков в форме дружеской переписки. Масса ценных мыслей разбросана в них. Очень характерна также для Владимира Ильича способность возиться так с человеком, которого он считает полезным для пролетарского дела, класть столько терпения, труда для переубеждения его...

Все освещается, как зарей, радостным чувством того нового подъема, который вызвал легальную печать — «Правду», «Мысль», «Просвещение»...

День за днем, год за годом... Сколько нескончаемых переездов с квартиры на квартиру, из города в город! Атмосфера бесконечных волнений за каждого члена семьи...

В 1910 году семья Елизаровых-Ульяновых переезжает в Саратов. Обе сестры налаживают связи с местной партийной организацией, с заграницей, помогают организовать ряд забастовок, в частности чисто политических, вызванных Ленским расстрелом.

О, братья! Проклят, проклят будет,
Кто этот страшный день забудет,
Кто эту кровь врагу простит.

Полиция приставила к семье Ульяновых специального шпика. В ночь с 7 на 8 мая 1912 года сестры Ульяновы, а также ряд работников саратовской партийной организации были арестованы. Снова для Марии Александровны начались передачи, хождения на свидания, хлопоты в жандармском управлении.

Письма сестер из тюрьмы полны оптимизма. Тюремная администрация эти письма перлюстрировала, подвергала проверке химическими реактивами. В руки Марии Александровны они приходили перекрещенные по диагонали двумя желтыми полосами, пахнущие чем-то острым.

Примерно за год до начала первой мировой войны семья Елизаровых, после всяческих передраг, арестов и высылки, поселилась в Петербурге. Мария Ильинична в это время отбыла ссылку в Вологде, Дмитрий Ильич работал врачом под Москвой.

То было время, когда особенно велика стала роль легальной большевистской печати. Анна Ильинична, жаловавшаяся до переезда в Питер на то, что она совсем «избездельничалась», с головой ушла в работу в «Правде», в издательстве и теоретическом журнале «Просвещение».

Вспоминая полтора десятка лет спустя эти годы революционного подъема, Анна Ильинична писала:

«То, что «Просвещение» выходило в живое и горячее время «эпохи «Звезды» и «Прав-

ды»», как их тесный идейный соратник, но в более научной области, то, что нам удавалось проводить взгляды Ильича в его статьях и статьях его последователей,— наконец, то, что мы завоевывали все больше интереса и симпатии со стороны товарищей рабочих, от которых, как и от товарищей из ссылки, нам посылалось все больше статей, стихотворений и рассказов,— все это в памяти каждого участника редакционной коллегии отпечатлело это время, как самое радостное, бодрое и полное прелести весеннее время».

Было еще одно дело, которому Анна Ильинична отдавала большую часть своей щедрой души,— работа среди женщин. По ее предложению в «Правде» была создана специальная страница, где помещались статьи о положении работниц, а также присланные самими работницами заметки, стихи и песни об их тяжелой доле.

Но материала было так много, работа развертывалась так успешно, что одной только страницы в «Правде» стало не хватать. Так возникла мысль об издании предназначенного для женщин журнала «Работница».

Ленин поддержал эту идею. Была создана редакционная коллегия, в которую вошли Н. К. Крупская, И. Ф. Арманд, А. И. Елизарова, П. Ф. Куделли, Е. Ф. Розмирович, К. И. Николаева, К. Н. Самойлова и другие товарищи, жившие в России или в революционной эмиграции.

Одним из членов редакционной коллегии журнала «Работница» была Феодосия

Ильинична Драбкина, известная в партии под именем «товарищ Наташа», — мать автора этого очерка.

Мы с ней жили тогда в Петербурге, в районе, который издавна прозывался «Пески» (ныне район Советских улиц). Там же проживало довольно много наших товарищей, большевиков. Дети большевистских семей дружили между собой. Хотя взрослые, разумеется, не делились с нами своими партийными тайнами, но мы чувствовали, что живем в особенной, романтической революционной атмосфере, прислушивались к каждому слову и знали, конечно, гораздо больше, чем предполагали взрослые. К тому же очень часто нам давали поручения: что-то принести, что-то унести, передать записку, сказать на словах. А Миша Полетаев, сын депутата III Думы Н. Г. Полетаева, даже помогал отцу в корректорской вычитке материалов «Правды».

Как и прочие ребята, бегала с поручениями и я. Однажды мама послала меня по всяким адресам, в том числе на Петербургскую сторону, к Анне Ильиничне Ульяновой-Елизаровой. Я смутно помню первое посещение квартиры Елизаровых. И этот случай совсем мной забылся бы, если б не другое яркое воспоминание.

Оно связано с событиями, происшедшими 4 марта (по новому стилю) 1914 года. Вот как рассказывает об этом в своих воспоминаниях «товарищ Наташа»:

«Впервые Международный женский день отмечался в России в Петербурге 8 марта

1913 года под видом «Научного утра по женскому вопросу». Успех «утра» был огромным. И в 1914 году было решено провести Международный женский день как массовую демонстрацию, призвав к участию в ней как можно больше работниц и рабочих. К этому же дню был приурочен выход первого номера журнала «Работница». Дело было нелегкое, но мы знали, какое огромное значение придает Владимир Ильич работе среди женщин, и старались всю.

4 марта н/ст. 1914 года мы, члены редакционной коллегии журнала «Работница», собрались у П. Ф. Куделли в ее маленькой, темной комнатке на Старо-Невском, чтобы окончательно утвердить содержание первого номера нашего долгожданного журнала. Настроение у всех было приподнятое. Перед нами лежали статьи и заметки, которые тотчас после заседания мы должны были передать в типографию.

Но едва мы принялись за работу, как в прихожей послышался шум и в комнату ворвались полицейские. Вся редакционная коллегия была арестована.

Всю ночь шли аресты. Взяли «под гребенку» всех, кто имел какое-либо касательство к работе среди женщин.

Царское правительство не оставило нас своим «вниманием» и сделало нам к Женскому дню богатый «подарок»: огромную новую женскую тюрьму, выстроенную по последнему слову тюремной техники. Первыми заключенными, поступившими в эту тюрьму, были мы, арестованные по делу 8 марта.

Грустно было попасть за решетку, но больше всего печалил нас провал с таким трудом налаженного Женского дня и журнала «Работница».

Но прошло несколько дней, и мы узнали, что все в порядке! Помню, как, сидя в камере, я услышала вдруг позывные «беспроволочного телефона» — так мы называли разговор по канализационной сети, по которой легко можно было переговариваться. Это меня вызвала соседка по камере Клавдия Николаевна. Пришедшая к ней на свидание сестра сообщила радостную весть: в Женский день состоялся митинг, а после него демонстрация. В этот же день вышел первый номер журнала «Работница». Можно представить себе наш восторг!»

Как же это произошло? Кто выпустил журнал?

Это была Анна Ильинична.

По счастливой случайности она задержалась дома и опоздала на заседание редакционной коллегии, происходившее на квартире П. Ф. Куделли. Подошла к дому, когда тюремные кареты уже увозили арестованных.

Из членов редколлегии на воле осталась только Анна Ильинична. И с помощью В. Р. Менжинской она выпустила журнал.

Трудно себе даже представить, как она смогла это сделать: ведь за несколько дней надо было написать заново все статьи, подготовить обложку, сдать номер в набор, прочесть корректуру, отпечатать номер в типографии и доставить тираж в рабочие райо-

ны. И все это было сделано! Сделано в неправдоподобно короткий срок. Благодаря энергии Анны Ильиничны в руках участников собраний, посвященных Женскому дню, в руках манифестантов, вышедших в этот день на улицы с требованиями политической свободы, трепетал первый номер «Работницы».

«Весть об удаче Женского дня быстро облетела тюрьму, — продолжает свои воспоминания моя мама. — От радости во всех камерах запели революционные песни. Напрасно тюремный надзор предлагал нам замолчать: тюрьма шумно ликовала.

Как хотелось нам увидеть нашу дорогую «Работницу»! Но это было невозможно. Зато мне удалось на свидании незаметно передать моей двенадцатилетней дочке письмецо, которое затем было напечатано в 4-м номере «Работницы». Вот оно:

«Новая женская тюрьма

Политические заключенные новой женской тюрьмы шлют горячий привет нашему журналу «Работница», как выразительнице наших нужд.

Политические заключенные» »

Записку эту я, та самая «двенадцатилетняя дочка», отнесла Анне Ильиничне. Помню, как она ей обрадовалась, как заулыбалась, расцеловала меня в обе щеки, побежала, захлопотала, чтобы напоить меня чаем с вареньем.

Анна Ильинична оставалась членом редколлегии журнала «Работница» до тех пор, когда ему, на седьмом номере, говоря словами Анны Ильиничны, «пришлось умереть насильственной смертью» и «возродиться лишь после нашей победоносной революции».

Хотя журнал был легальным, но переписку о нем с Владимиром Ильичем Анна Ильинична вела иносказательно, как бы от лица мужчины, подписываясь «Андрей».

Вот образец такого ее письма, отправленного в январе 1914 года:

«Дорогой друг!

...Книжка «Просвещение» должна была выйти 25-го. Теперь задержится на несколько дней из-за Ваших статей. Повторяю свою постоянную просьбу присылать статьи раньше, не задерживать №№. Статья об учительском съезде (Н. К. Крупской.— Е. Д.) идет целиком в № 1-м, статья о тов. «Х» также (за подписью К. Ц. под названием «Дело товарища Х», ж. «Просвещение» № 1, 1914 г.— Е. Д.). «Итоги и перспективы» идут половинкой * в самом конце книги. Статья чуть-чуть успела — днем позже и листы были бы напечатаны... Очень просим друзей давать материал пораньше! Еще раз напоминаем, что книга может выйти не раньше, как через неделю после посылки ваших статей. И что нельзя же выпускать ее не в том месяце,

* А вы еще пишете: больше ничего не ждите для № 1 (!!). Да как же мы можем ждать? — Прим. А. И. Ульяновой-Елизаровой.

какой стоит на номере. Пожалуйста, посылайте тотчас же материал на № 2-ой...

Относительно женского журнальчика я писал уже, что, по-моему, нельзя начинать его без гроша, нельзя рассчитывать на пожертвования рабочих, ибо публика и так завалена поборами и жаль отрывать от ежедневной газеты... Поднимал вопрос на редакционном собрании «Просвещения» об ассигновании 25 рублей, но об этом не приходится и говорить... Не лучше ли при таких материальных условиях повременить с женским журналом, начать его сначала в виде, например, еженедельных приложений для женщин-работниц к ежедневной газете? Это только моя мысль, я не успел еще предложить ее здесь на обсуждение, но, мне кажется, это целесообразно: не будет лишних расходов на помещение, экспедицию и тому подобное... Обдумайте это и сообщите свое мнение».

Или другое письмо, от 14 марта 1914 года:

««Работница» 2-ой № выходит на днях...

Не лучше ли этот адрес, чем прежний?

Дайте мне для меня одного какой-нибудь адрес. Этот, по которому пишу, был в пользовании выбывшего коллеги и потому, верно, неудобен уж. Спешите со статьями к апрельскому №».

Словом, и подпольная работа в нелегальной партии, и журнал, и использование всех легальных возможностей!

Война повернула всю жизнь России. Повернула она и жизнь семьи Ульяновых.

Владимира Ильича и Надежду Константиновну война застала в Галиции, неподалеку от русской границы. Там Владимир Ильич был арестован австрийскими властями, пытавшимися обвинить его в шпионаже в пользу царской России.

Заметка об аресте Ленина промелькнула в газетах. К тревоге за брата для Анны Ильиничны добавлялся страх, что о его аресте узнает Мария Александровна.

Но вот в тяжелом мраке этих дней мелькнул светлый луч: Владимира Ильича освободили из тюрьмы, и он благополучно добрался до Швейцарии. А вслед за этим — тщательно зашифрованная записка, доставленная тайком через фронты и границы: мы объявляем войну войне; война империалистическая должна превратиться в войну гражданскую; мир — хижинам, война — дворцам. Все на борьбу... Все за работу!..

Нет нужды объяснять, какими опасностями грозила интернационалистская работа в то военное время. Но Анна Ильинична взяла на себя один из наиболее опасных участков этой работы: переписку с заграничными центрами партии, в которой она подписывалась именем «Джемс».

Вспоминая об этом периоде своей переписки с Владимиром Ильичем, Анна Ильинична писала:

«...Не прекращавшаяся все время войны, до ареста адресата летом 1916 г., химическая переписка его (Ленина.— Е. Д.) с пишущей

эти строки, конечно, не могла сохраниться по своему конспиративному характеру. Письма эти прогревались, оригиналы их, занимавшие иногда большое количество страниц книги, тщательно уничтожались, а переписанные в расшифрованном виде копии читались или передавались членам организации, которые в свою очередь по ознакомлении заботливо уничтожали их».

Служба Марка Тимофеевича была связана с постоянными разъездами. Все заботы о доме, о тяжело больной матери, о мальчике Горе, которого взяли на воспитание Елизаровы, о находившейся в ссылке Марии Ильиничне лежали на Анне Ильиничне.

Особенно тревожило здоровье Марии Александровны. Она очень ослабела, почти все время лежала, сильно тосковала по младшей дочери. Летом 1916 года, когда семья жила на даче, она совсем слегла. По словам Анны Ильиничны, которая находилась при ней безотлучно, мать попросила: «Дай мне что-нибудь, ну облатку, ты знаешь что, я хочу еще пожить с вами!» А за два дня до смерти спросила: «Куда же папа наш ушел?» В день смерти была очень ласкова, обрадовалась цветку, который принесла ей Анна Ильинична, днем спокойно заснула и во сне умерла.

Дети потеряли мать, потеряли друга. «Той твердости, с которой она переносила свои тяжелые несчастья, удивлялись все, кто ее знал,— писала Анна Ильинична,—тем более

чувствовали это дети. Несчастье с потерей старшего брата было из ряда вон выходящим, и все же оно не подавило ее, она выказала так много силы воли, что, скрывая, по возможности, свои слезы и тоску, заботилась, как прежде, еще больше, чем прежде, о детях, потому что после смерти мужа ей одной приходилось заботиться о них.

Она старалась, по мере возможности, не омрачать их молодую жизнь, давать им строить свое будущее, свое счастье... И она понимала их революционные стремления.

Эти заботы были так удивительны; пример, который она показывала детям, был так прекрасен, что и им хотелось еще больше, чем прежде, скрасить ее жизнь, облегчать ее горе».

Какой большой душой должна была обладать Мария Александровна, чтоб вызвать такое преклонение своих детей.

А неделю спустя после ее похорон Анну Ильиничну арестовали.

Снова обыск, тюрьма, железные засовы, зарешеченное оконце под потолком. Снова допросы, «вещественные доказательства», очные ставки.

«Жена отставного коллежского секретаря Анна Ильинична Елизарова, — докладывал глава петербургской охранки, — по агентурным сведениям за 1915 г., получала из-за границы журнал «Социал-демократ» и распространяла его среди интеллигенции. Видную роль играла среди ленинцев, входила в литературную комиссию, которая заведовала книжным магазином «Правда». В течение

последних лет неоднократно наблюдалась в сношениях с членами с.-д. организаций... В 1914 году поддерживала переписку с Владимиром Ульяновым и его женой Надеждой Крупской по делам партийного характера. В ночь на 21 июля с. г. у Елизаровой при обыске обнаружено: 1 прокламация РСДРП, 4 номера журнала «Вопросы страхования», большое число рукописей с разными пометками...»

Но ни одного письма Ленина, ни одной его записочки не нашли. Хорошо работала Анна Ильинична!

Арест Анны Ильиничны был тяжелым ударом для партии. «...Устранение Джемса,— писал А. Г. Шляпникову В. И. Ленин,— делает положение критическим и ставит опять на очередь вопрос об общем плане работы... Самое больное место теперь: слабость связи между нами и руководящими рабочими в России!! Никакой переписки!! Никого, кроме Джемса, а теперь и его нет!!»

Первоначально Анне Ильиничне грозило выселение из Петрограда. Но Марк Тимофеевич пустил в ход все свои связи и, ссылаясь на ее болезнь, добился того, что ее освободили и разрешили остаться дома. Разумеется, она продолжала свою подпольную работу. И разумеется, полиция держала ее под своим неусыпным наблюдением. Не успело пройти месяца после того, как она вернулась из тюрьмы, а в квартиру на Широкой улице снова нагрянули с обыском. Ничего обнаружено не было. Но два месяца спустя полиция вновь явилась с обы-

ском и на этот раз арестовала Анну Ильичну.

Февральская революция застала ее в тюрьме. Освободил ее восставший народ.

И понеслась, закипела новая жизнь, жизнь после революции — взбаламученный Петроград, митинги, собрания, восстановление партийных организаций, разгромленных в канун Февраля, возобновление выхода «Правды», секретарем которой она стала.

И хлопоты о Владимире Ильиче, застрявшем в Швейцарии. Тревога, тревога за брата. А в апреле радостное известие: удалось проехать через Германию. В ближайшие дни будут в Петрограде.

Где они поселятся? Разумеется, на Широкой улице, у Елизаровых. Надо приготовить комнату. Надо наладить быт. А времени в обрез.

Незабываемая встреча, которую устроил Ленину революционный Петроград. Броневик, с которого Ленин произнес речь, закончив ее словами: «Да здравствует социалистическая революция!». Ночное заседание в особняке Кшесинской. Первая встреча Ленина с партийными работниками Петрограда. Его знаменитые «Апрельские тезисы».

Полные бурных событий весна и лето семнадцатого года. Апрельские дни. Первый съезд Советов. Возглас Ленина: «Есть такая партия!» — партия большевиков, готовая взять власть и повести Россию по пути мира и социальных преобразований. Рост больше-

вистского влияния. Травля большевиков. Июльские дни. Гнусная фальшивка, сфабрикованная провокатором Алексинским, чтобы скомпрометировать Ленина, представить его как якобы германского шпиона.

Ночь на 5 июля. Поздний приход Владимира Ильича. А на заре осторожный стук. Это — Свердлов. Сохраняя внешнее спокойствие, он говорит, что тотчас после ухода Ленина из «Правды» в редакцию ворвалась контрреволюционная банда, которая искала Ленина и, не найдя, разгромила помещение редакции. Большевистский ЦК и Петроградский комитет оставили особняк Кшесинской, на который также был совершен погромный налет. С минуты на минуту разъяренные контрреволюционеры могут явиться сюда, на Широкую, чтобы захватить Владимира Ильича. Надо немедленно уходить.

И они явились, явились на следующий день. Обыскали все, простукивали стены, поднимали половицы. Составили протокол обыска, точно копирующий своим стилем подобные же протоколы царского времени:

«Дверь прибывшим открыла проживающая в этой квартире Надежда Константиновна Ульянова. По предъявлении гражданке Ульяновой приказа главнокомандующего, ей был задан вопрос, находится ли в квартире ее муж Владимир Ильич Ленин (Ульянов). Госпожа Ульянова заявила, что муж ее уже не возвращается домой с 5 июля с. г. ...После этого Ульяновой было предложено предъявить все документы ее мужа... После тщательного обыска из документов и пере-

писки Ленина отобрано следующее... При обыске присутствовали Марк Тимофеевич Елизаров, Мария Ильинична Ульянова, Анна Ильинична Елизарова».

И снова тревога — тревога за брата, за партию, за революцию.

Владимир Ильич скрывается в Разливе. За квартирой Елизаровых вновь учрежден тщательный надзор. Шпики Временного правительства не столь опытные, но еще более ретивы, чем царские: за поимку Ленина обещана щедрая награда.

События несутся непрерывной чередой. Шестой съезд партии. Главная задача ближайших месяцев — подготовка вооруженного восстания. Попытка контрреволюционного переворота, предпринятая генералом Корниловым. Владимир Ильич покидает Разлив. Он уезжает в Финляндию. Оттуда нелегально возвращается в Петроград. Из глубокого подполья обращается к партии: промедление с вооруженным восстанием смерти подобно!

И Октябрь, незабываемый Октябрь семнадцатого года. Победа пролетарской революции. Вся власть в руках Советов!

После установления Советской власти Анна Ильинична избрала своим поприщем работу по охране детей: она заведовала отделом Охраны детства Народного комиссариата социального обеспечения, а затем Народного комиссариата просвещения.

Надежда Константиновна Крупская также после Октября целиком занялась работой в Народном комиссариате просвещения.

Почему же они всецело отдали себя делу народного просвещения?

Мне думается, что причин тому несколько. Первая и главная из них — важность работы по народному образованию и охране детства.

Революция всколыхнула широчайшие народные низы, которые на протяжении столетий были, по выражению Ленина, «ограблены в смысле образования, света и знания». Теперь народ потянулся к грамотности, к знанию. Приобщение к культуре означало приобщение к революции.

«Живешь ты в Москве, горя не знаешь, — писал Надежде Константиновне деревенский мальчонка, — а у нас в деревне всякая случайность случается. Родители рассуж-

дают так: мы неученые прожили, и ты, бог даст, проживешь». Другой мальчонка писал ей, что он не желает жить так, как жили его родители: они надеялись на бога, а он надеется на Советскую власть. «Пусть она на десяти квадратных метрах удержится, а потом все равно распространится по всему миру».

Но, кроме просвещения детей, зачастую их надо было просто спасать. Ведь все несчастья, что обрушились в годы гражданской войны — и голод, и холод, и болезни, и общая нужда, — прежде всего обрушивались на детей, порождали безотцовщину и беспризорность. И Советская власть должна была уберечь детей от гибели.

Большой интерес в связи с этим представляют идеи, которыми руководствовались дошкольные организации в то время, когда их возглавляла Анна Ильинична:

«Дошкольное воспитание детей, — писал Дошкольный отдел Наркомпроса, — есть один из насущнейших вопросов нашего времени. ...Свободная демократическая Россия в своем строительстве новой жизни должна в первую очередь позаботиться о слабейших из слабых — о детях, независимо от их социального положения. Общественное... воспитание детей должно начинаться с первого дня рождения ребенка... Раннее развитие в ребенке заложенных в нем общественных и трудовых наклонностей, всестороннее развитие физической организации, ума, воли, самостоятельности, без сомнения, послужит залогом для развития творческой личности».

Забота о детях, охрана детства были подлинно фронтом, подчас не менее трудным и опасным, чем все остальные фронты той великой эпохи. Уже одно это может объяснить, почему и Анна Ильинична, и Надежда Константиновна выбрали для себя эту область работы.

Но не одно это.

Семья Ульяновых, как и семья Крупских, были семьями *учительскими*. Выросшие в этих семьях девушки мечтали стать учительницами и отдать этому делу всю свою жизнь.

Судьба сложилась так, что годы молодости они посвятили революции. Однако и тогда их не покидала мечта о педагогической деятельности. Воплощалась эта мечта в литературной работе: Надежда Константиновна планировала издание «Педагогического словаря» или «Педагогической энциклопедии», которые, по убеждению Ленина, заполнили бы «очень важный пробел в русской педагогической литературе» и были бы «очень полезной работой». Дореволюционные педагогические работы Надежды Константиновны, собранные вместе, составляют несколько книжных томов.

Анна Ильинична сосредоточивала свое внимание не на теоретической разработке проблем педагогики, а больше на художественной литературе. Еще при жизни Александра Ильича она попробовала свои силы, написав детский рассказ. Писала она рассказы и находясь в ссылке в Кокушкине. Кроме того, она занималась переводами

детских произведений с иностранных языков — преимущественно с итальянского. Тут любимыми ее авторами были Эдмондо д'Амичис и Корделия (псевдоним Виргинии Тревс).

В архиве Анны Ильиничны сохранились письма, полученные ею в 1913—1914 годах от издательства «Посредник». Ей сообщали об издании ее книг. Так, книга «Школьные товарищи» вышла в то время седьмым изданием. Там же печатались и другие ее детские книги (например, «Летняя берлога», «Братишка медведя»), некоторые из них — вторым и даже четвертым изданиями.

Работа по охране детей требовала от Анны Ильиничны неимоверного напряжения сил. Каждая буханка хлеба добывалась буквально с бою, надо было драться также за дрова, обувь, самую нехитрую одежонку. Анной Ильиничной были подготовлены два декрета Совета Народных Комиссаров, подписанные В. И. Лениным, о мерах, которые должно принять, «ставя своей целью охрану детей и юношества от ряда заболеваний», связанных с недоеданием.

Нельзя без душевной боли читать список продуктов, которые выделялись из скудных запасов голодающим детям и кормящим матерям: полфунта манной крупы в неделю, полфунта сахару, фунт жиров и три яйца в месяц. Но и это удавалось выдать далеко не всегда!

Однако главное было достигнуто: к детям привлечено внимание всех советских организаций. В самые трудные, самые голодные

дни наш народ отдавал детям последний кусок хлеба, последнюю вязанку дров, делал для них все возможное и все невозможное.

Чтобы объединить и координировать работу по охране детства, Анна Ильинична и ряд товарищей, в том числе А. В. Луначарский и Ф. Э. Дзержинский, предложили образовать «Совет защиты детей», и он был создан в начале 1919 года. Более реальной стала помощь детям, в основе своей детям «трудным», искалеченным войной и голодом, духовно сломленным, больным. Налаживалась практическая организация детских консультаций, детских домов, детских колоний. В труднейших условиях того времени все это заняло огромное место в деятельности молодого Советского государства.

Недаром А. М. Горький назвал работу по охране детства «героическим трудом». Недаром восхищался он «горячим чувством», с которым относились к этой работе ее руководители.

И прежде всего, больше всего эти слова Алексея Максимовича должны быть отнесены к Анне Ильиничне!

Между тем самой ей в то время было очень трудно: умер Марк Тимофеевич.

После Октябрьской революции Марк Тимофеевич был Народным комиссаром путей сообщения первого состава Совета Народных Комиссаров. Работа вообще нелегкая. Условия того времени: разруха, массовая демобилизация, саботаж инженерного состава

ва, начало гражданской войны — все это усиливало трудности в тысячу крат.

Один из ближайших соратников Марка Тимофеевича по Народному комиссариату путей сообщения, сменивший его потом на посту наркома, старый большевик В. И. Невский, писал:

«Вспоминая теперь работу Марка Тимофеевича, приходится признать, что, пожалуй, никто, кроме него, в эти бурные месяцы октября, ноября и декабря 1917 года и не справился бы с той стихией, которая бушевала на железных дорогах...

Как сейчас, помню его большую спокойную фигуру, его лицо с доброй улыбкой, слышу его спокойный голос среди хаоса звуков, человеческих голосов, выстрелов, криков, угроз, просьб и ругательств.

И тут же под этот шум и гам Марк Тимофеевич ведет разговоры с инжснерами, приехавшими с фронта, с представителями ВИКЖЕЛЯ (Всероссийского исполнительного комитета железнодорожников.— *Е. Д.*), с рабочими делегациями, дает распоряжения по линии, отпускает деньги, выходит в зал держать речь перед съехавшимися делегациями рабочих и т. д. и т. п. А к нам идут вести самые мрачные, самые безотрадные: немцы начали наступление, в Гомеле железнодорожники перешли к противнику, в Ставке наш комиссар оказался предателем, на дорогах Севера нет продовольствия, бегущие с фронта солдаты разобрали железнодорожный путь, сожгли и сровняли с землей несколько станций.

Нечеловеческая работа подорвала силы больного сердцем Марка Тимофеевича: к середине декабря он уже был так переутомлен, что иногда, как говорили мне потом, с ним делалось дурно».

Работа на посту наркома путей сообщения оказалась физически не по силам Марка Тимофеевича. По его личной просьбе он был от нее освобожден и введен в коллегию Наркомата торговли и промышленности. Весной 1919 года он поехал по делам работы в Петроград: да и хотелось ему присутствовать на торжественном акте по случаю столетия Петербургского университета.

Там, в Петрограде, Марк Тимофеевич заболел. Сначала предполагали, что это грипп (его называли тогда «испанкой»), но оказался сыпной тиф. Анна Ильинична тотчас поехала к мужу, но, как ни выхаживала, спасти его не удалось.

Владимир Ильич и Мария Ильинична приехали в Петроград, чтобы проводить Марка Тимофеевича в последний путь. Похоронили его на Волковом кладбище. На том самом Волковом кладбище, где покоились вечным сном Ольга Ильинична и Мария Александровна Ульяновы.

Похоронив Марка Тимофеевича, Анна Ильинична вернулась к своей «республике детей».

Детей надо кормить, одсвать, обувать, что, как уже говорилось, само по себе было в тогдашних условиях бесконечно трудно. Но не менее важно учить и воспитывать из

них граждан нового, социалистического общества.

Этому Анна Ильинична уделяла огромное внимание. Правда, она не оставила крупных педагогических исследований, ее идеи разбросаны иногда в инструкциях по Наркомпросу, иногда в небольших заметках, в записях с раздумьями о воспитании ребят, о перегибах с «комплексами», о целях, задачах и методах работы с детьми. «Трудовое и самодеятельное начало, свобода для творчества — прообраз новой школы, — записывает Анна Ильинична в одной из таких заметок. — Детскими домами должно даваться широкое сознание социалистических начал, глубоких основ социализма и коммунизма в мировоззрении детей, — создать навык, понимание общественного труда.

Свобода заниматься тем, к чему влечет... Наблюдать *незаметно* — больше самодеятельности в духе общественности, справедливости, сдержанности, мягкости, начала товарищества, дать дисциплину Духа».

Много думает она об особенностях воспитания в детских домах, всячески подчеркивает, что не должно быть «казарменности, нервующего шума», что воспитание должно происходить «на основах действенного социализма, свободного мышления, полной демократизации и высокой гуманности». При этом отводит огромную роль труду, но только такому, который дает «осязательные результаты», а также детскому творчеству.

«Колонии, — пишет она, — имеют гораздо большее значение, чем клубы... Коллектив-

ный труд, естественные условия, общение с природой, выработка выносливости и находчивости. Общность интересов, взаимное обслуживание, труд — цемент общественности. Ознакомление с жизнью окружающей среды...»

Все это — мысли, сохраняющие свою силу и поныне, это основы самой передовой, подлинно социалистической педагогики.

«Чтобы семена воспитания падали в душу ребенка,— говорит Анна Ильинична,— нужно, чтобы душа эта была открыта перед сеятелем. А открыть ее можно только ключом ласки и взаимного доверия, которое можно выковать лишь неподдельной любовью к детям и тесной взаимной жизнью с ними. Те педагоги, которые хотят и умеют отдать свою жизнь этому трудному и вместе с тем благородному делу, к которым сами собой поворачиваются, как подсолнечник к солнцу, расцветая улыбкой, детские головки, для нас неоценимы, хотя бы они не могли представить ни одного диплома. Люди с дипломами нужны тоже, но они должны группироваться вокруг той оси, которой является педагог «божьей милостью», мать в семье, матка в улье...»

Таким педагогам «божьей милостью», пишет Анна Ильинична, удаются задачи, которые справедливо считаются труднейшими в области педагогики. И тут же добавляет, что опасения за судьбу таких педагогов не напрасны: «Сколько таких, прямо неоценимых, педагогов отстраняются или не допускаются к делу воспитания из-за того, что у них нет

дипломов, и заменяются людьми с дипломами, но не имеющими часто ничего, кроме диплома и апломба».

Все эти раздумья относятся, конечно, не к первым шагам советской педагогики, а к временам более поздним.

Ценнейшим источником для суждения о педагогических идеях Анны Ильиничны служат ее рецензии, публиковавшиеся в советских общественно-политических и литературных журналах.

Придавая исключительно важное значение в формировании личности годам детства, Анна Ильинична внимательно приглядывается к воспоминаниям людей, в которых видит высокий образец человеческого духа, и стремится обрести в их жизненной судьбе уроки, которые можно применить в воспитании миллионов советских детей.

Перед нами отзыв Анны Ильиничны о книге Веры Николаевны Фигнер «Запечатленный труд». Этот отзыв может служить образцом того, как человек настоящей души умеет видеть ошибки другого человека и в то же время преклоняться перед тем, в чем тот достоин преклонения. Анна Ильинична писала:

«Очень интересны отметки тех переживаний в детстве и в ранней юности, которые запомнились на всю жизнь, залегли в основу образования моральной личности. Таково воспоминание о первом стыде, испытанном Верой Николаевной ребенком, когда она свалила спорную вину на сестру, которая одна

и потерпела наказание, — стыда, из которого получился урок на всю жизнь, — «вишу брать на себя». Или позднее, когда в пятнадцать лет поэма «Саша» Некрасова заставила ее глубоко продумать человеческие отношения и сделать вывод, ставший ее девизом: «Согласовать слово с делом». Такие места дают больше пищи педагогу и психологу, чем многие длинные теоретические рассуждения».

Непосредственно к этим размышлениям примыкают рецензии Анны Ильиничны на книги для детей. Печатались эти рецензии из номера в номер на страницах первого научно-критического и библиографического журнала «Печать и революция» на протяжении примерно полутора лет, в 1922—1923 годах, вплоть до того времени, когда она перешла на работу в журнал «Пролетарская революция» и посвятила себя истории партии и революционного движения в России. Учитывая, что в журнале «Печать и революция» публиковались рецензии Н. К. Крупской и что журнал этот находился в фондах личной библиотеки Владимира Ильича Ленина, а также и то, что семья Ульяновых жила подолгу вместе в Горках, можно считать, что высказывания Анны Ильиничны по вопросам детской литературы были известны всей семье Ульяновых и разделялись этой семьей. Впрочем, самым важным мерилом тут служат сами идеи, которые она проводила и которые полностью совпадают с идеями В. И. Ленина.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Охране детства Анна Ильинична отдала около четырех лет жизни. Но дело это требовало такой немислимой затраты всех сил, особенно в голодный двадцать первый год, что она дошла до предела усталости. Надо было менять работу.

Надо было менять работу и потому, что вместе с переходом к новой экономической политике и развертыванием идеологической борьбы встала во весь рост необходимость создать историю нашей партии.

До этого имелась всего одна небольшая книга Н. Н. Батурина — «История РСДРП», которая, конечно, не удовлетворяла требований жизни. Существовал один историко-революционный журнал — «Былое». Но этот журнал издавна находился под влиянием народнических и эсеровских кругов, он лишь в минимальной мере уделял внимание истории социал-демократии, не говоря уже о нашей, большевистской партии. К тому же, как справедливо указывала в одной из своих статей Анна Ильинична, журнал «Былое» еще до революции стремился смаковать рассказы о провокаторах, продолжал эту традицию и после революции.

Специальным решением Центрального Комитета партии, в выработке которого принимал непосредственное участие В. И. Ленин, был учрежден Истпарт. В его задачу входило: научная разработка проблем партийной истории и создание архивов, собирание документов и выпуск журнала «Пролетарская революция» (тираж его по тому времени был немалый — 5250 экземпляров!). Вместе с тем необходимо было широко популяризировать партийное прошлое, воспитывать в молодых членах партии любовь к ее истории, издавать ярко и популярно написанные воспоминания, дающие правдивое освещение событий во всем их богатстве и сложности.

«Мы пишем о вечно живом и вечно юном пролетариате, а не о мертвых приказах и канцеляриях, и мы зовем к себе всех живых, интересующихся историей пролетарской революции...— говорилось в обращении Истпарта, формулировавшем его задачи.— В истории конспиративного подпольного периода нашей партии многое не нашло и не могло найти себе отражения в документах. Тут в особенности ценным являются всякого рода *воспоминания*, дающие тот психологический фон и ту связь, без которых имеющиеся в наших руках документы могут оказаться непонятными или понятыми неправильно. Непосредственные свидетели возникновения документа могут лучше истолковать его букву, нежели люди, подходящие к документу через ряд лет, с настроениями и представлениями, которых

не было ни у кого в ту минуту, когда документ возник... По одним воспоминаниям нельзя писать историю; но... без воспоминаний живых свидетелей происходившего писать историю крайне трудно. Такая история прежде всего рискует быть очень субъективной, ибо ее автор, вынужденный связывать разрозненные документы собственными домыслами и предположениями, неизбежно дает нечто вроде *мемуаров неочевидца*: т. е. мемуаров во всяком случае еще худшего сорта, чем обычные».

Партия звала к созданию ее истории всех, кто способен работать в этой области. Естественно, Анна Ильинична оказалась в числе работников Истпарт и членом редакционной коллегии его органа — журнала «Пролетарская революция».

На первых порах Истпарт состоял при Наркомпросе. Приступив к работе, Анна Ильинична увидела, что Наркомпрос, заваленный другими делами, совершенно не уделяет внимания Истпарту, который, как она выражалась, находится у Наркомпроса «где-то на отшибе, в хвосте архива». В результате никто не собирает и не сохраняет материалы для будущих историков нашей партии, архивы нередко теряются и расхищаются, а воспоминания никто не записывает, и они исчезают вместе со смертью мемуаристов.

Чтобы спасти Истпарт, Анна Ильинична предложила передать его в ведение Центрального Комитета партии. Одни товарищи поддержали ее точку зрения, другие, в том

числе Ленин, высказались против такой реорганизации.

Анна Ильинична решила пойти к Владимиру Ильичу, побеседовать с ним на данную тему. Беседа эта представляет большой интерес.

Выслушав доводы Анны Ильиничны в пользу передачи Истпарта в ЦК партии, Владимир Ильич сказал ей, что остается при прежнем своем мнении: он против этой передачи, так как считает, что ЦК не должен разбухать разными учреждениями, которые могут выполнять свои функции, являясь учреждениями не партийными, а советскими.

— Но,— прибавил он,— ведь не я один решаю в Оргбюро. Наоборот, я часто и не бываю там совсем, и 90 процентов дел проходит там без меня. Если вы считаете, что так лучше для работы, то идите туда и мотивируйте; может быть, с вашим мнением и согласятся. Вы работаете, вам виднее.

Точка зрения Анны Ильиничны все же восторжествовала. Как она потом шутила, «дело произошло с такой же легкостью, с какой рухнул трон Николая II».

В то время мне иногда приходилось бывать в Истпарте: там работала моя мама, одно время Истпарт возглавлял мой отец, Сергей Иванович Гусев. И я не раз видела Анну Ильиничну за ее повседневными делами. По отношению к ней с полным основанием можно было бы применить одно, забытое ныне слово — «ригоризм», которое

означает особую строгость, особую последовательность, особую преданность человека идеям и нормам поведения. Вот таким ригоризмом отличалась Анна Ильинична, работавшая в Истпарте.

Было ей тогда уже немало лет. По своему положению она могла бы, казалось, когда угодно приходить и когда угодно уходить. Но нет, Анна Ильинична приходила точно к началу работы и уходила ни на минуту раньше ее конца. Если же не появлялась, это значило, что она очень больна.

Атмосфера в Истпарте была дружно-деловая и, я бы сказала, веселая. Бывали, конечно, и шероховатости — где их не бывает? Но люди, работавшие там, в особенности представители старшего поколения, такие, как М. С. Ольминский, П. Н. Лепешинский, С. И. Гусев, Анна Ильинична, — это были люди остроумные, любившие шутку, много повидавшие, отличные рассказчики, поклонники музыки и литературы. В свободный час обеденного перерыва раздавался такой смех, что дай бог молодым так смеяться!

А главное — они умели работать на редкость слаженно и споро. Когда сейчас вспоминаешь крохотный аппарат редакции, глядишь на журнал «Пролетарская революция» и издания Истпарта, диву даешься, как много они успели сделать!

Свою работу в Истпарте Анна Ильинична начала с дела брата, Александра Ильича. Высший свой долг она видела в том, чтобы разобраться до конца в деле 1 марта 1887 года, которое даже такие знатоки рус-

ских политических процессов, как Гернет и Щеголев, считали одним из самых засекреченных в истории российского судопроизводства, а вместе с тем и увековечить в памяти потомков образ брата и его товарищей по борьбе.

Никто не знает, сколько тягчайших минут пережила она, когда раскрыла протоколы допросов брата, производившихся в Петропавловской крепости жандармским ротмистром Лютовым; когда прочла написанную знакомым почерком программу террористической фракции партии «Народная воля» и «Стенографический отчет по делу 1 марта 1887 года»; когда стали известны имена предателей и их показания, которые привели к гибели Александра Ильича и его товарищей.

Много лет Анна Ильинична переписывалась с сибирскими ссыльными, осужденными по делу 1 марта 1887 года. Будучи за границей, с помощью Веры Ивановны Засулич получила от соучастника дела Говорухина воспоминания, которые кое-что для нее прояснили. По тем вопросам, которые Анна Ильинична задавала Говорухину и о которых мы знаем потому, что письмо ее с этими вопросами было перлюстрировано охранкой, видно, как тщательно изучала она доступные ей воспоминания, рассказы и газетные сообщения. Все это дало возможность написать об Александре Ильиче и его деле довольно большой очерк в сборнике «Галерея шлиссельбургских узников», вышедшем в 1906 году. Но сведения, ко-

торыми она располагала, были неполными, и, главное, оставались неясными причины ареста брата и его товарищей.

Только теперь, после революции, получив в руки следственное дело и судебный отчет о нем, Анна Ильинична смогла разобраться в вопросах, которые мучили ее столько лет. Только теперь узнала она о мальчишеской неосторожности одного из участников организации, который навел полицию на ее след, а также о предателях, выдавших всех в первые же часы после ареста.

«Моя работа в Истпарте началась с апреля 1921 года,— писала она.— Я никогда дотеле по истории или по архивам не работала, но здесь мне представлялась возможность осуществить собиранье материала по делу брата, Александра Ильича...»

Параллельно с этим она составляла сборники воспоминаний о Н. Е. Федосееве и А. П. Скляренко — людях, которые сыграли огромную роль в первых марксистских организациях в России.

В эти сборники включены также и воспоминания самой Анны Ильиничны, которые не только выдержали самую трудную из существующих проверок — проверку временем, но звучат сегодня еще более интересно, чем тогда, когда были опубликованы впервые.

Предельно лаконичные, написанные прекрасным русским языком, без «красивостей», сдержанные, несентиментальные, они полны точных наблюдений и метких характеристик.

Словно живые встают со страниц этих воспоминаний их герои — самолюбивый и застенчивый Скляренко: он был «незаконнорожденным», и на его характере, по мнению Анны Ильиничны, болезненно отразилось гадливое отношение тогдашнего общества к «незаконнорожденным». И Федосеев, с его искренней и чистой натурой, который те десять лет сознательной жизни, что ему суждено было прожить, буквально не жил, а горел.

Одним штрихом, одной фразой Анна Ильинична дает исчерпывающую характеристику человека, хотя бы на мгновение оказавшегося в поле зрения ее воспоминаний. Вот мать Н. Е. Федосеева, «саратовская землевладелица, которая отказалась от него в одну из перипетий его борьбы и заточения». Вот шпик, специально поселившийся в одном доме со Скляренко и забравшийся в его комнату. «Чем вы занимаетесь?» — спросил, накрыв его у себя, Скляренко. «Я... Я... портной», — заикаясь, ответил захваченный врасплох соглядатай. «А, портной, так вот мне брюки надо сшить. Беретесь?»

Несколько десятилетий спустя Анна Ильинична восстанавливает эту комическую сценку, как и запомнившуюся ей выразительность движений Скляренко. «Его, организатора масс по натуре, оратора на больших площадях, давили условия русской жизни, необходимость сдерживаться, сжиматься, залезать в подполье». В памяти Анны Ильиничны сохранилось воспоминание о том, как Скляренко побывал на ее но-

вой квартире. Там был очень длинный и узкий коридор. Выходя, он в ответ на вопрос, как ему понравилась квартира, молча раздвинул локти, словно бы пытаясь раздвинуть эти чересчур тесно сошедшиеся стены. «Я часто думала потом,— писала она, еще и еще раз проявляя свой талант наблюдательности и обобщения,— что он весь вылился в этом жесте, что и из жизни он ушел с таким же досадливым жестом к тем бессмысленно узким стенам, которые рухнули только после его смерти...»

И другая характеристика, относящаяся к Н. Е. Федосееву. Она называет его «одной из первых ласточек рабочего движения в России», обыгрывая, как мы выражаемся сегодня, этот образ: то он служит ей для того, чтобы дать общую картину условий зарождения рабочего движения в России — капитальные стены, которыми окружало самодержавие несознательные, придавленные рабочие массы, и «первые ласточки», которые «разбили свои крылья и усеяли преждевременными трупами подножия этих стен!» То с помощью этого же образа она очерчивает жизнь Федосеева, прошедшую в тюрьме и ссылке: «Краткий просвет, вылет на волю,— каждый раз для того, чтобы опять и опять ударяться в ненавистную стену и снова падать с подшибленными крыльями». То, описывая эпоху глухой реакции восьмидесятых годов, говорит о том, как «вступающей в жизнь молодежи было особенно трудно развертывать свои крылья в то время». То рассказывает о владимирском периоде

жизни Федосеева, только что вышедшего из тюрьмы и принявшего решение хотя бы недолго пожить спокойно, не вести подпольной работы, чтобы отдохнуть и пополнить свои знания. «...Он не был бы революционной ласточкой, если бы удержался на тех осторожных шагах, на которых остановилось бы большинство, если бы, несмотря на всю колоссальную трудность, почти невозможность пропаганды среди рабочих окрестных фабрик в условиях поднадзорного существования, он не попытался бы все-таки повести ее».

Когда этап, с которым он отправился в сибирскую ссылку, вышел из тюрьмы и был приведен на вокзал, Анна Ильинична и Мария Ильинична ждали на платформе и добились, чтоб их впустили в вагон попрощаться с Федосеевым, с которым до того они были знакомы только по тайной переписке через тюремных надзирателей.

«...Он произвел впечатление неотразимо привлекательной личности,— писала Анна Ильинична в своих воспоминаниях.— Особенно хороша была его раскрывавшая перед ним все сердца, прямо обаятельная улыбка! Мы провожали в этот момент не товарища, которого видели в первый раз в жизни, а близкого, дорогого, почти родного человека. Сколько нежности и чуткости было в его сильной натуре!»

Но прошло недолгое время, и Анна Ильинична узнала из письма Владимира Ильича о том, что Федосеев покончил жизнь самоубийством. Почему он это сделал? Была ли

причиной лишь грязная склока, затеянная вокруг него одним из ссыльных? Или причина была глубже, в том, что, как писала Анна Ильинична, рана, нанесенная этой склокой «измученному всем пережитым, представлявшему сплошной оголенный нерв организму Федосеева, была так тяжела», и он «не согнулся, а сломался» в проклятых условиях тогдашней русской жизни. «И погибла высокоодаренная светлая личность,— завершает свои воспоминания Анна Ильинична.— И разбила свои крылья одна из самых дорогих, первых наших ласточек!..»

В морозный январский день 1924 года на нашу партию, наш народ, на семью Ульяновых обрушилось величайшее горе: не стало Владимира Ильича Ленина.

Хоронили Владимира Ильича в воскресенье. А в понедельник к самому началу рабочего дня Анна Ильинична уже сидела за своим письменным столом.

Бесконечно тяжелая неделя оставила следы горя на ее лице. Но была она подтянутая, собранная, как всегда. Только вместо обычной белой блузки и юбки на ней было простое черное платье с беленькими точками. Такие платья в то время носили простые русские женщины в знак траура.

Отныне возникла новая, столь же дорогая для Анны Ильиничны тема, как и тема о брате Александре,— история жизни ее второго брата, Владимира Ильича.

Вскоре Анна Ильинична написала и опубликовала воспоминания о Владимире Ильиче. И поныне эти воспоминания продолжают привлекать внимание ученых-историков и самого широкого круга читателей. Если бы не они, как много невозстановимых и невозполнимых страниц истории семьи Ульяновых было бы безвозвратно утеряно!

Свои работы о Владимире Ильиче Анна Ильинична стремилась писать так, чтобы они оказались доступными и взрослым и детям, предельно точными и правдивыми. Сперва она дает характеристику родителям и семейной обстановке, описывает детство и отрочество Владимира Ильича, его дальнейшую жизнь, годы, в которые, как писала Анна Ильинична, «складывалась и оформлялась окончательно его революционная физиономия». Рассказав о начале революционной деятельности Владимира Ильича, его аресте, ссылке в Сибирь, Анна Ильинична показывает затем, как тридцатилетний Владимир Ильич, вернувшись из ссылки, «взялся снова вплотную за революционную работу, но уже в несравненно более широком масштабе; за ту работу, которая сплотила революционный российский пролетариат и привела его к победе».

Кроме воспоминаний о Владимире Ильиче Анна Ильинична оставила о нем два биографических очерка: один, краткий, был помещен в словаре «Гранат», а другой, более полный, выпущен отдельной брошюрой. Ею написан ряд статей — «Возвращение Ильича из ссылки и идея «Искры»», «Третий

арест Ильича», «Поездка в Уфу и отъезд за границу», «В. И. Ленин и самарская деревня» и другие, а также несколько рецензий на книги, посвященные Ленину, подробных разборов документов, принадлежащих перу Владимира Ильича и опубликованных впервые.

Один из таких разборов, в котором воспоминания самой Анны Ильиничны умело и тонко сочетаются с анализом подлинного исторического документа, мы уже приводили: это статья Анны Ильиничны, посвященная письму Ленина «Как чуть не потухла «Искра»?». К этой статье непосредственно примыкают ее заметки о письмах Ленина к Горькому, о материалах по выработке Программы РСДРП в 1903 году.

Значительный интерес представляет статья «Профессор оппортунист о Ленине», посвященная книге участника «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» К. М. Тахтарева. Став «экономистом», Тахтарев примкнул затем к меньшевикам, но быстро отошел от практической партийной деятельности. Его книга «Рабочее движение в Петербурге. 1893—1901 гг.» была издана в Петрограде в 1924 году. Наряду с общими воспоминаниями об этом периоде, Тахтарев посвятил довольно много страниц В. И. Ленину, с которым встречался не только в Петербурге, но и позднее, в годы революционной эмиграции, в Лондоне.

Многое в воспоминаниях Тахтарева вызвало справедливый протест Анны Ильиничны. Об этом свидетельствует прежде всего

заголовок ее статьи, опубликованной осенью того же 1924 года в журнале «Пролетарская революция». Но в то же время она внимательно подбирает каждую ценную крупицу, которую можно найти в книге Тахтарева. «Мы считаем,— пишет Анна Ильинична, определяя свое отношение к этой книге,— что для истории нашей партии надо взять квинт-эссенцию всех трех статей Тахтарева, не стесняясь всякими его уколами из-за угла. Оставив в стороне освещение, которое придает событиям и личности Ленина автор, посмотрим на то, что, потушив это освещение, мы можем получить... А получить мы можем очень много биографического материала о Ленине».

Когда сличаешь написанное Тахтаревым со статьей Анны Ильиничны, видишь, как она не просто пересказывает, а словно бы обогащает воспоминания Тахтарева своим критическим, но в то же время бережным к ним отношением.

В этих воспоминаниях, пишет она, мы видим Ленина в самом начале его работы в Петербурге ярким представителем социал-демократии, сознающим необходимость скорейшего объединения разрозненных кружков в единую политическую партию рабочего класса. Мы видим его непримиримым борцом со всякими,— в первую очередь экономическими уклонами с этого пути, со всей свойственной ему прямолинейностью («не допускал различия между POSSИБИЛИЗМОМ и ОППОРТУНИЗМОМ»)... Мы видим, как он «с наружным спокойствием, но с крайним

напряжением нервов» переносил борьбу на Втором съезде. В качестве свидетеля и до некоторой степени пользовавшегося его врача, Тахтарев видел, как он «был потрясен этой борьбой, которой он, по-видимому, никак не ждал».

Тахтарев показывает Владимира Ильича и в его личной жизни, свидетельствует, что жил он чрезвычайно скромно, напряженно работал, но любил и повеселиться, когда представлялся случай. «Владимир Ильич,— пишет Тахтарев, и Анна Ильинична приводит его слова,— обладал, несомненно, очень живой натурой, и ничто человеческое не было ему чуждо».

Особенно подчеркивает Анна Ильинична те места книги Тахтарева, в которых тот касается направленных против Ленина обвинений в том, что он якобы стремился «руководствовать». Вопреки им, Тахтарев утверждает, что «в более близком кругу товарищей он не только избегал насилловать их решения, но даже старался не обнаруживать своего подавляющего влияния...», «относился к возражениям очень внимательно», «держал себя просто, как равный с другими. Влияя на других почти неотразимо, он нередко нарочно стремился это замаскировать».

Так подходила Анна Ильинична к воспоминаниям о Ленине, принадлежащим его открытому политическому противнику.

Тем более бережно относилась она к тому, что писали о Владимире Ильиче его соратники, люди, которые отдали партии всю

свою жизнь, весь пыл своего сердца, для которых Ленин был самым дорогим, самым любимым человеком. В воспоминаниях Анну Ильиничну привлекают не риторика и не восхваления, которые, будучи назойливыми, дают обратный результат, ей дороги подлинные черты подлинного образа.

Пример тому — ее отзыв о книге А. Шлихтера «Ильич, каким я его знал». В ней, пишет Анна Ильинична, «образ Ильича, его слова являются как бы блесками металла в больших кусках руды. Эта руда, т. е. обстановка, события тоже важны и интересны, ее тоже надо закрепить; в ней, как в рамке, понятнее слова и проявления Ильича».

Сколь бережлива Анна Ильинична ко всему, что восстанавливает правдивый образ Ленина, столь же непримирима она к халтуре, небрежности, спекуляции его памятью, мнимым знакомством с ним, к фальши и искажению его облика.

Гневно обрушивается она, например, на статью И. Леонова «Черточки для биографии Владимира Ильича», напечатанную в сборнике «У великой могилы», на поэтов типа Ключева, пытавшихся изобразить Ленина в этаким «божественном», «русопятствующем» виде.

Но как ни взволнована Анна Ильинична фальшивыми писаниями, ее пером движет не только гнев. Главное, что она хочет сказать, — это как надо писать о братьях Ульяновых, старшем и младшем, как должно рисовать революционеров, большевиков. «Ведь недостаточно иметь бойкое перо беллетри-

ста, чтобы рисовать всякие образы... Следует быть в уровень с образами, которые рисуешь, понимать стремления, быть в курсе тех общественных идей, на основе которых развертывались происшествия, развивались характеры, которые берешься изображать».

Так, именно так писала свои работы Анна Ильинична.

То, что ею совершено, что ею написано, а в особенности ее воспоминания об Александре Ильиче Ульянове и Владимире Ильиче Ленине, будет жить всегда. Ибо она обладала в огромной мере тем талантом, которым среди прочих должен обладать художник для такой великой темы, как история нашей партии и биографии братьев Ульяновых,— талантом понимания и любви.

Жизненный путь ее оборвался в 1935 году. За день до смерти, уже в полузабытьи, она громким, чистым голосом декламировала по-немецки стихи из «Buch der Lieder» — «Книги песен» Генриха Гейне, той самой книги, которую на прощальном свидании с матерью просил принести приговоренный к смерти Александр Ильич Ульянов.

Большой человек, большая жизнь, прожитая на высоком накале действий и чувств.

Анна Ильинична Ульянова-Елизарова принадлежала к тому поколению молодых людей, которое, вступив в сознательную жизнь в эпоху безвременья, наступившего

после гибели героической «Народной воли», стало искать и нашло новые пути борьбы: пролетарскую революцию.

Труден и славен был путь этих людей! Каким неисчерпаемым терпением, какой настойчивостью, какой поистине неизбежной верой в свое дело нужно было обладать, чтоб на протяжении долгих лет шаг за шагом двигаться к цели. Вести пропаганду, собирать людей, создавать кружки, организации, комитеты. Готовить забастовки, плести нити партийных связей, грубо разрываемые очередным полицейским налетом. Жить в непрерывном напряжении, в постоянном ожидании ареста и обыска, изучать географию России по ее тюрьмам, выходить на волю, чтобы снова приняться за подпольную работу и быть вновь арестованным. И сквозь сетку повседневных неудач, провалов, разгромов партийных организаций видеть, как рабочее движение, несмотря ни на что, неуклонно идет вперед, как растет партия, как мужают и закаляются ее кадры, как сплачиваются они вокруг Ленина и обретают все большую поддержку масс.

Вместе с Коммунистической партией, вместе с рабочим классом, вместе с Лениным Анна Ильинична прошла этот славный путь, завершившийся победой Великой Октябрьской социалистической революции.

С переходом власти к трудящимся Анна Ильинична принимает деятельное участие в строительстве нового общества. Ее работа по охране детства, при всей внешней скромности, подлинно героична. Созданные

в последние полтора десятилетия ее жизни историко-литературные произведения — бесценны.

На многих фотографиях и кинокадрах тех лет мы видим Анну Ильиничну рядом с Владимиром Ильичем Лениным, Надеждой Константиновной Крупской, Марией Ильиничной Ульяновой. Она уже немолода и сильно изменилась по сравнению с девушкой в шапочке-«гарибальдийке», какой запечатлел ее облик портрет времен студенчества. Но взгляните повнимательнее в ее глаза — вы увидите живой, пронизательный взгляд умного, глубокого, полного энергии человека. Присмотритесь к прекрасной линии лба, к тонкой улыбке, порой озаряющей ее лицо.

И прочтите ее книги, письма, воспоминания. Вы почувствуете, что недаром с ней были так близки ее братья — Александр и Владимир, недаром она была поверенной их мыслей, другом, советчиком, соратницей, товарищем в борьбе.

Она была настоящей коммунисткой, настоящим человеком. Дстойной дочерью своей необыкновенной семьи. Дстойной сестрой своих великих братьев. Дстойным членом Коммунистической партии Советского Союза, которую Ленин по праву называл *умом, честью и совестью нашей эпохи*.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОТ АВТОРА	3
ГЛАВА ПЕРВАЯ	7
ГЛАВА ВТОРАЯ	23
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	40
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	57
ГЛАВА ПЯТАЯ	78
ГЛАВА ШЕСТАЯ	113
ГЛАВА СЕДЬМАЯ	124

*Елизавета
Драбкина*

А. И. УЛЬЯНОВА-ЕЛИЗАРОВА

Издание второе

На первой странице обложки
фото А. И. Ульяновой-Елизаровой
и семьи Ульяновых

Заведующий редакцией *Н. Р. Андрухов*

Редактор *Г. П. Шкаренкова*

Младший редактор *Н. И. Коршикова*

Оформление серии художника *В. И. Терещенко*

Художественный редактор *С. Д. Алексеев*

Технический редактор *Н. К. Капустина*

ИБ № 2102

Сдано в набор 25 07 78 Подписано в печать 28.11 78 А00792
Формат 70 × 90^{1/32}. Бумага типографская № 1 Гарнитура
«Литературная». Печать высокая. Условн. печ. л. 5,42. Учет-
по-изд. л. 4,83 Тираж 200 000 (1—50 000) экз Заказ № 3070.
Цена 20 коп., в целлофанированной обложке 25 коп.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Мнусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий»,
103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16

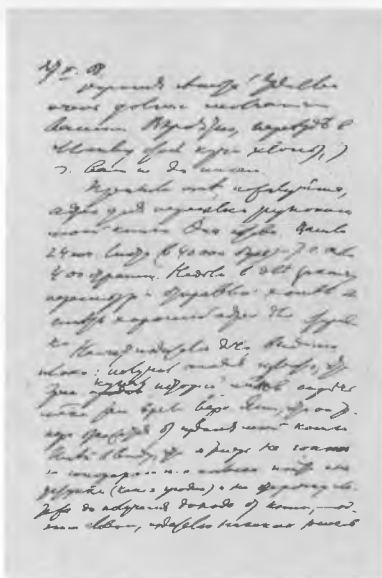
Аня
и Саша Ульяновы.
1874 г.

Мария Александровна
и Анна Ильинична
Ульяновы.
1910 г.

А. И. Ульянова-
Елизарова
и М. Т. Елизаров.
1915 г.

Первая страница
письма В. И. Ленина
А. И. Ульяновой-
Елизаровой.
27 октября 1908 г.

В. И. Ленин, Н. К. Крупская
и А. И. Ульянова-Елизарова
с племянником Виктором
и дочкой рабочего Верой.
1922 г.

А. И. Ульянова-Елизарова,
М. И. и Д. И. Ульяновы.
1930—1932 гг.

25 коп.

Серия
«СЕМЬЯ
УЛЬЯНОВЫХ»

ОТЕЦ
ПОВЕСТЬ
О МАТЕРИ
АЛЕКСАНДР
УЛЬЯНОВ
А.И.УЛЬЯНОВА-
ЕЛИЗАРОВА
ОЛЬГА
УЛЬЯНОВА
М.И.УЛЬЯНОВА
МЛАДШИЙ
БРАТ